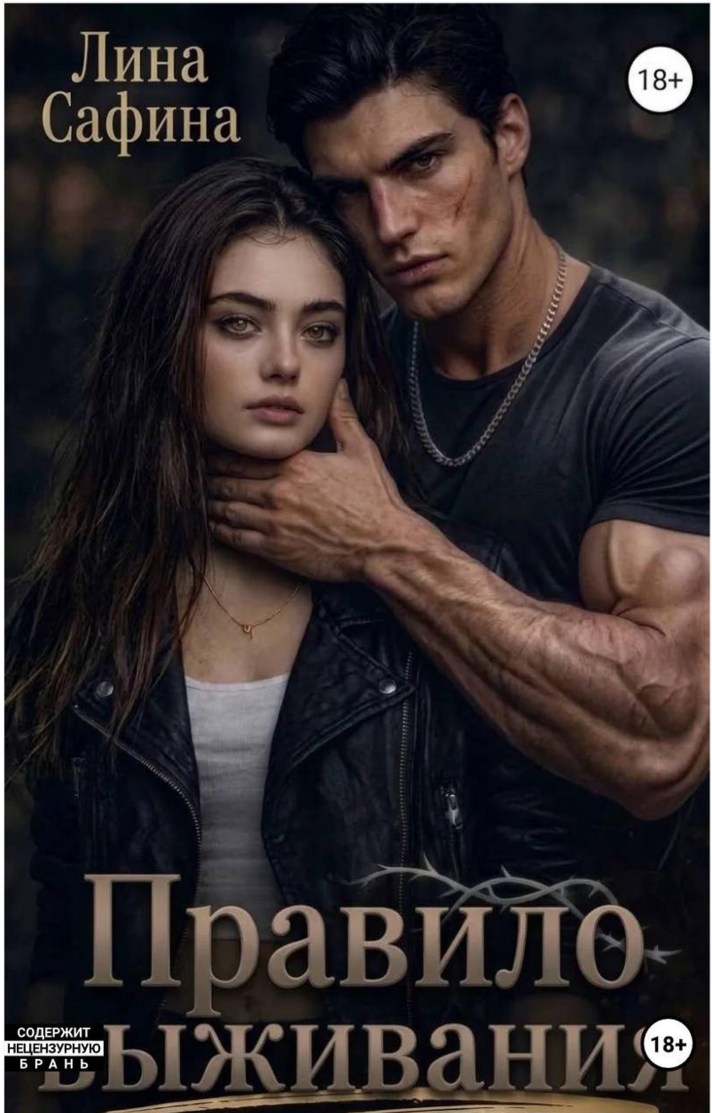

Лина
Сафина
18+
Правило
выживания
18+
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Лина Сафина
Правило выживания

https://litres.ru/74759684
SelfPub; 2026

Аннотация

Одна ночь стёрла их прошлое, оставив после себя только руины.

Слоун возвращается в дом отца, чтобы оплакать мать, погибшую в авиакатастрофе, и неожиданно оказывается в центре чужой опасной игры. Под одной крышей с ней теперь живёт Дрейк — сводный брат, бывший возлюбленный и тот, кто три года назад безжалостно предал её.

Теперь он диктует ей правила, контролирует каждый шаг и заставляет изображать идеальную семью. Но Слоун не намерена быть послушной пешкой: она ищет правду и всё глубже погружается в тёмные тайны семейного бизнеса.

Между ними — старые раны, невысказанные обиды и притяжение, похожее на пожар. Правило выживания простое: не поддаваться огню. Но пламя уже охватило их обоих.

Содержание

Глава 1. Слоун 4
Глава 2. Слоун 17
Глава 3. Дрейк 27
Глава 4. Слоун 34
Глава 5. Слоун 39
Глава 6. Дрейк 45
Глава 7. Слоун 54
Глава 8. Дрейк 61
Глава 9. Дрейк 71
Глава 10. Слоун 80
Глава 11. Дрейк 92
Глава 12. Слоун 100
Глава 13. Дрейк 107
Глава 14. Слоун 113
Глава 15. Дрейк 123
Глава 16. Слоун 135
Глава 17. Дрейк 152
Глава 18. Слоун 162
Глава 19. Дрейк 175
Конец ознакомительного фрагмента. 176

Лина Сафина
Правило выживания

Глава 1. Слоун

Дождь в этом городе всегда пахнет старым камнем, мокрой листвой и чужими деньгами.

Я сидела на заднем сиденье черного «Мерседеса», прижавшись виском к холодному стеклу, и смотрела, как за окном проплывают знакомые до тошноты кованые решетки закрытого поселка. Три года. Целых три года я убеждала себя, что больше никогда не пересеку эту черту, не вдохну этот воздух, пропитанный дорогим парфюмом, лицемерием и кровавых денег, который отец так тщательно маскировал под благопристойность.

В кармане моего кашемирового пальто лежал сложенный вчетверо листок — копия официального заключения о гибели. Бумага была тонкой, почти невесомой, но тянула вниз сильнее, чем чугунные ворота поместья, которые прямо сейчас медленно расходились в стороны перед капотом машины.

Мама ушла мгновенно. Звонок из авиакомпании в два часа ночи, голос диспетчера и строчки в новостях о частном рейсе, который так и не долетел до пункта назначения. Опо-

знавать было почти нечего. Весь мой мир, который мы с ней по крупицам строили последние три года вдали от этого города, сгорел в обломках на дне ущелья за считанные секунды.

Она не успела взять с меня никаких обещаний перед посадкой. Но за неделю до того злополучного вылета, во время нашего ужина, мама посмотрела на меня с какой-то странной серьезностью и сказала: «Если со мной что-то случится, Слоун, не пытайся тянуть всё в одиночку. Поезжай к Артуру. Каким бы он ни был, он твой отец, и в его доме ты будешь в безопасности».

Тогда я только отмахнулась, назвав ее суеверной. А теперь сидела на заднем сиденье чужой машины, сжимая в кармане бумагу, пахнущую типографской краской, и чувствовала, как внутри меня выжжено всё дотла.

Машина мягко затормозила у парадного крыльца. Особняк встречал меня всё тем же безупречным величием: светлый известняк, высокие арочные окна, за которыми горел теплый, обманчиво уютный свет, и идеальный газон, на котором не смела выбиться ни одна травинка.

Водитель открыл передо мной дверь, раскрыв огромный черный зонт. Я вышла, поправила ремень дорожной сумки на плече и сделала глубокий вдох. Воздух обжег легкие сыростью.

Тяжелые дубовые двери распахнулись еще до того, как я успела подняться по ступеням. На пороге стоял Артур Вейн

— мой отец. Он почти не изменился за эти три года. Всё та же прямая спина, идеально выглаженный темно-синий костюм, серебро на висках и взгляд, он привык, что мир прогибается под его расписание.

— Слоун, — произнес он, но в его голосе мелькнула редкая, почти неуловимая нота облегчения. Он шагнул вперед и сдержанно обнял меня за плечи. От него пахло кедром и дорогим табаком. — Я рад, что ты приехала. Дорога была тяжелой?

— Терпимой, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал так же сухо и отстраненно. Я не собиралась разваливаться на куски у него на глазах. — Спасибо, что прислал машину.

— Это меньшее, что я мог сделать. Проходи, ты совсем продрогла.

Мы вошли в холл. Мраморный пол, огромная хрустальная люстра под высоким потолком, широкая лестница, уходящая на второй этаж — всё было на своих местах, но что-то изменилось. Исчезла музейная пустота, которая царила здесь после ухода мамы. На консольном столике у зеркала стояла свежая композиция из белых пионов и эвкалипта, в воздухе витал легкий, незнакомый женский аромат — что-то сладковатое, с нотками ванили и жасмина.

Я замерла на середине холла, чувствуя, как внутри начинает скручиваться тугой, холодный узел.

— Отец, — медленно произнесла я, переводя взгляд с цветов на него. — У тебя гости?

Артур чуть кашлянул, поправляя запонку на манжете. Впервые за весь разговор он отвел глаза на долю секунды.

— Не совсем гости, Слоун. Я хотел сказать тебе при личной встрече, а не по телефону. Учитывая... обстоятельства последних недель, я решил, что так будет правильнее.

Из глубины коридора, ведущего в малую гостиную, послышался тихий стук каблуков и мягкий женский смех. У меня перехватило дыхание.

В холл вышла женщина. Высокая, ухоженная, лет сорока пяти, в элегантном шелковом платье цвета темного изумруда. Ее светлые волосы были собраны в небрежный, но дорогой пучок, а на безымянном пальце левой руки тускло блеснуло массивное кольцо с бриллиантом, которое я узнала бы из тысячи. Точно такое же когда-то носила моя мать, пока не оставила его на туалетном столике в день развода.

— Артур, дорогой, ужин уже подают, я подумала... — женщина осеклась, заметив меня, и ее лицо мгновенно озарилось мягкой улыбкой. — О, Слоун! Наконец-то мы познакомились.

Я смотрела на нее, чувствуя, как земля под ногами начинает медленно уходить в сторону. Звуки в холле вдруг стали глухими, словно я оказалась под толщей воды.

— Знакомься, Слоун, — голос отца прозвучал твердо, не оставляя пространства для возражений или сцен. — Это Эвелин. Моя жена. Мы поженились четыре месяца назад.

Четыре месяца назад.

Пока мама жила работала и пыталась оградить меня от теней прошлого, мой отец уже вычеркнул ее окончательно, надев кольцо на палец другой женщине. А теперь, когда мамин самолет разбился, эта женщина стоит в центре холла как полноправная хозяйка.

Я сжала зубы так сильно, что заныли скулы. Пальцы до побеления вцепились в ремень сумки.

— Мои поздравления, — выдавила я, не узнавая собственный голос. Он звучал как скрип несмазанной двери. — Вы выбрали прекрасное время.

Эвелин на секунду смутилась, ее улыбка дрогнула, но она тут же взяла себя в руки. В ее глазах было только искреннее сочувствие, от которого мне стало еще тошно.

— Мне безумно жаль из-за твоей мамы, Слоун, — тихо сказала она, сделав шаг ближе, но не решаясь нарушить мое личное пространство. — Эта катастрофа... это чудовищно. Я знаю, что сейчас всё это кажется тебе чужим и неправильным. Я не собираюсь заменять ее. Просто хочу, чтобы ты знала: этот дом — твой дом. И мы сделаем всё, чтобы тебе здесь было спокойно.

Я уже открыла рот, чтобы ответить ей чем-то холодным и вежливым, но в этот момент из-за ее спины, из полумрака арки, ведущей в гостиную, раздался ленивый, бархатистый баритон, от которого у меня по позвоночнику мгновенно ударил ледяной разряд:

— Мам, ты слишком добра. Наша новая родственница вы-

глядит так, будто готова сжечь этот особняк дотла прямо сейчас.

Мир остановился.

Сердце пропустило удар, а затем заколотилось о ребра с такой бешеной силой, что зашумело в ушах.

Из тени дверного проема вышел он.

Он стал шире в плечах. Выше. Черты лица, которые три года назад еще сохраняли остатки юношеской резкости, теперь заострились, превратившись в холодную скульптуру. Темные волосы, чуть растрепанные на лбу, черная водолазка, обтягивающая литые мышцы груди и рук, и эти глаза — цвета темного янтаря, с тем самым пронизывающим взглядом, от которого у меня когда-то подкашивались колени.

Дрейк.

Мой Дрейк.

Тот самый парень, из-за которого я сбежала три года назад с матерью, бросив всё, не оглядываясь, задыхаясь от боли и страха. Тот, чье имя я выжигала из памяти ночами кусая подушку, чтобы не закричать.

Теперь он стоял в пяти метрах от меня. В доме моего отца. Рядом со своей матерью.

— А, вот и Дрейк, — спокойно произнес отец, абсолютно не замечая того электрического разряда, который только что пронесся между нами. — Сын Эвелин. Теперь вы — сводные брат и сестра. Надеюсь, вы поладите, тем более что с понедельника будете учиться в одном университете.

Сводные брат и сестра.

Слова повисли в воздухе как издевка. У меня закружилась голова. Я смотрела на Дрейка, пытаясь найти в его лице хоть каплю шока, растерянности, хоть что-то, что сказало бы мне: «Я тоже не знал».

Но на его губах играла лишь язвительная усмешка. Он знал. Он точно знал, кто я, еще до того, как переступил порог этого дома.

Дрейк медленно подошел ближе. Его движения были плавными и уверенными. От него пахло всё тем же — горьким миндалем, дождем и чем-то неуловимо опасным.

— Привет, сестренка, — протянул он, выделяя последнее слово с таким сарказмом, что меня передернуло.

Он протянул руку. Я заставила себя поднять ладонь, понимая, что малейшая заминка вызовет у родителей вопросы.

Как только наши пальцы соприкоснулись, по коже пробежал ток. Ладонь Дрейка была горячей и с мозолями на костяшках. Вместо короткого формального рукопожатия его пальцы сомкнулись вокруг моей кисти как капкан, не позволяя отдернуть руку. Большой палец едва заметно скользнул по моему запястью — ровно по тому месту, где пульсировала вена.

— Выглядишь бледной, — негромко заметил он, не отпуская мою руку и глядя прямо в глаза. В глубине его зрачков плескалась ярость, что мне стало трудно дышать. — Долгая дорога из прошлого?

— Просто устала, — процедила я, с трудом вырывая ладонь из его хватки. — Приятно познакомиться, Дрейк.

— Взаимно, Слоун. Уверен, у нас впереди масса... семейных вечеров.

Ужин превратился в изощренную пытку.

Мы сидели за длинным столом из темного ореха в столовой. Отец и Эвелин расположились по краям, а нас с Дрейком посадили напротив друг друга — «чтобы вам было проще общаться и привыкать друг к другу», как с теплой улыбкой объяснила Эвелин.

Лучше бы она посадила меня на раскаленную сковороду.

Я механически ковыряла вилкой салат, не чувствуя вкуса еды. Каждый раз, когда я поднимала глаза, я натыкалась на взгляд Дрейка. Он сидел расслабленно, откинувшись на спинку стула, крутил в пальцах бокал с красным вином и внимательно слушал отца, который рассказывал о деталях моего перевода на третий курс факультета бизнеса и права.

— Я уже уладил все формальности с деканатом, — говорил Артур, разрезая стейк. — В понедельник утром Дрейк отвезет тебя в кампус, покажет корпуса и познакомит с нужными людьми. У него там отличный авторитет.

Я поперхнулась водой.

— Не стоит, отец, — быстро сказала я, стараясь звучать ровно. — Я вполне могу добраться сама. Возьму такси или одну из машин из гаража. Не хочу отрывать Дрейка от его...

важных дел.

Дрейк усмехнулся, ставя бокал на стол. Звук хрусталя показался мне оглушительным.

— Какие могут быть дела важнее заботы о новой сестре, Артур? — его голос сочился показным дружелюбием, от которого у меня скручивало желудок. — К тому же, кампус огромный. Она там потеряется в первую же минуту. А я не прощу себе, если с ней что-то случится под моим присмотром.

Он наклонился чуть вперед, опираясь предплечьями о край стола. Ворот его черной водолазки натянулся, открывая линию острых ключиц.

— Правда, Слоун? Ты ведь всегда любила забредать не туда, куда следует.

Я встретила его взгляд в упор, чувствуя, как щеки начинает заливать предательский румянец злости.

— С годами я научилась отлично ориентироваться на местности, Дрейк. И точно знаю, куда мне не стоит соваться.

— Похвально, — протянул он, прищурившись. — Правда, жизнь имеет привычку возвращать нас на старые маршруты. Даже когда мы думаем, что сожгли все мосты.

Эвелин переводила взгляд с меня на сына с легким недоумением, улавливая странную интонацию в нашем диалоге, но списала всё на естественную неловкость первой встречи.

— Не дави на нее, Дрейк, — мягко пожурила она его. — Девочка только приехала. Дайте ей пару дней прийти в себя.

— Конечно, мам, — Дрейк поднял руки в шутливом жесте сдачи, но его взгляд ни на секунду не отрывался от моего лица. — Я сама деликатность.

Когда ужин наконец закончился, я чувствовала себя так, будто разгрузила вагон камней. Голова раскалывалась от напряжения, траур и шок последних часов накрывали новой волной усталости.

— Я, пожалуй, пойду к себе, — сказала я, поднимаясь из-за стола. — Хочу разобрать вещи и лечь пораньше.

— Твоя старая комната в восточном крыле полностью готова, — кивнул отец. — Я распорядился, чтобы туда перенесли твои коробки.

Я поблагодарила их и почти бегом направилась в холл, мечтая только об одном — добраться до спальни, запереть дверь на замок и наконец выдохнуть.

Но стоило мне подняться на второй этаж и свернуть в длинный полутемный коридор восточного крыла, как сзади послышались быстрые шаги.

Я не успела даже обернуться.

Сильная рука перехватила меня за локоть, разворачивая к стене, и в следующую секунду я оказалась прижатой спиной к холодным деревянным панелям. Дрейк возник передо мной так близко, что мне пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

Он уперся ладонью в стену прямо над моим плечом, отрезая любой путь к отступлению. Его тело излучало жар, от

которого мгновенно закружилась голова, а привычный, до боли знакомый запах ударил прямо в виски, воскрешая воспоминания, которые я так отчаянно пыталась похоронить.

— Какого черта ты творишь? — прошипела я шепотом, упираясь ладонями ему в грудь. Мышцы под тонкой тканью водолазки были твердыми как камень. — Убери руки! Нас могут увидеть!

— Пусть смотрят, — тихо, почти мурлыча, ответил он, наклоняясь так низко, что его губы едва не коснулись моего виска. — Старший брат просто решил убедиться, что его бедная, убитая горем сестренка благополучно добралась до спальни. Разве это преступление?

— Не смей называть меня так, — выдохнула я, чувствуя, как предательски дрожат пальцы на его груди. — Ты знал. Ты знал, что мой отец женится на твоей матери, и молчал!

Дрейк усмехнулся. Его свободная рука медленно поднялась, и тыльная сторона его пальцев с обжигающей нежностью провела по моей щеке, заправляя выбившуюся прядь волос за ухо. Мое тело мгновенно предало меня — по коже побежали мурашки, а дыхание сбилось.

— А ты бы хотела, чтобы я позвонил тебе и предупредил? — его голос стал ниже, жестче, в нем исчезла вся показная легкость, оставив только металл.

— Сказал бы: «Привет, Слоун, помнишь, как ты сбежала от меня посреди ночи три года назад, не сказав ни слова? Так вот, теперь мы будем жить под одной крышей»?

— У меня были причины уехать! — огрызнулась я, стараясь не отводить взгляд, хотя сердце колотилось где-то в горле.

— Мне плевать на твои причины, — отрезал он. Его пальцы сместились с моей щеки на подбородок, чуть сжимая его и заставляя меня смотреть прямо в его темные, беспощадные глаза. — Слушай меня внимательно, куколка. Мне этот цирк нужен еще меньше, чем тебе. Но раз уж судьба решила устроить нам этот спектакль — мы будем играть по моим правилам.

— Я не собираюсь подчиняться твоим правилам, Дрейк. Я здесь не ради тебя.

— Ты здесь, потому что тебе больше некуда идти, — жестко напомнил он, и эти слова полоснули больнее пощечины. — И пока ты живешь под этой крышей, ты будешь улыбаться за столом, кивать на всё, что говорит твой отец, и не совать свой любопытный нос в мои дела. В понедельник я отвезу тебя в университет, и ты будешь держаться от меня на расстоянии вытянутой руки. Ясно?

Он смотрел на меня сверху вниз — властный, чужой и до боли родной одновременно.

— А если нет? — тихо спросила я, вскидывая подбородок. — Что ты сделаешь, Дрейк? Вышвырнешь меня на улицу?

Его взгляд скользнул вниз, задержавшись на моих губах всего на долю секунды, но этого хватило, чтобы воздух между нами вспыхнул.

— Хуже, Слоун, — прошептал он, медленно отстраняясь и возвращая на лицо ту самую ленивую, саркастичную маску. — Я сделаю так, что ты сама сбежишь отсюда. Во второй раз. И на этот раз я даже не стану смотреть тебе вслед.

Он развернулся и ушел по коридору, не оглядываясь.

Я осталась стоять у стены, судорожно хватая ртом воздух и чувствуя, как в том месте на щеке, где минуту назад были его пальцы, кожа горит так, словно он оставил на ней клеймо.

Траур закончился. Началась война.

Глава 2. Слоун

Утро понедельника началось с головной боли и четкого осознания того, что этот дом за три года превратился в камеру пыток с дизайнерским ремонтом.

Я почти не спала. Каждый раз, когда я закрывала глаза, передо мной всплывало лицо Дрейка в полумраке коридора, его горячие пальцы на моем подбородке и этот пробирающий до костей шепот. Я провела выходные, запершись в своей комнате под предлогом того, что мне нужно разобрать вещи и подготовиться к учебе. Избегала общих завтраков, спускалась на кухню только тогда, когда была уверена, что в доме никого нет, и по крупицам собирала новую реальность.

Отец вел себя так, словно ничего экстраординарного не произошло. Для него мой переезд и его новый брак были просто двумя пунктами в ежедневнике, которые успешно закрыты. Эвелин пыталась проявлять тактичную заботу — оставляла у моей двери то чашку травяного чая, то свежие журналы, но не навязывалась, за что я была ей странно благодарна.

А вот Дрейка я не видела все выходные. Он исчезал из дома ранним утром и возвращался глубокой ночью — я слышала, как глухо рычит двигатель его машины на подъездной дорожке около трех часов утра, и каждый раз ловила себя на том, что замираю под одеялом, прислушиваясь к его шагам

на лестнице.

Я ненавидела себя за эту реакцию. Прошло три года. Я выросла, пережила то, что сломало бы другого, в один миг лишившись матери в той проклятой авиакатастрофе, и выстояла. Я не имела права реагировать на парня, который сам когда-то закрыл передо мной дверь.

В восемь утра я спустилась в холл, одетая в строгие черные брюки, белую шелковую блузку и длинный тренч. Волосы я собрала в тугой высокий хвост, нанесла минимум макияжа, чтобы скрыть темные круги под глазами, и повесила на плечо сумку с ноутбуком.

Я рассчитывала тихо выскользнуть через черный ход в гараж, взять ключи от старого «Ауди», который когда-то принадлежал маме, и уехать в кампус одной.

План провалился, едва я ступила на последнюю ступеньку лестницы.

В столовой громко засмеялся отец. Я замерла, прислушиваясь, и уже хотела развернуться обратно, но дверь распахнулась.

— А вот и наша студентка! — бодро произнес Артур, выходя в холл с чашкой кофе в руке.

Следом за ним вышла Эвелин, а за ней — Дрейк.

На нем были темные джинсы, черная футболка, обтягивающая торс, и расстегнутая кожаная куртка. В руках он крутил связку ключей от машины. Увидев меня, он медленно оглядел мой наряд с ног до головы, и в его глазах мелькнула

привычная насмешка.

— Доброе утро, пап. Эвелин, — поздоровалась я, стараясь игнорировать прожигающий взгляд слева. — Я уже ухожу, не хочу опаздывать в первый день.

— Отлично, Дрейк как раз собирался выезжать, — кивнул отец, глядя на часы. — Поезжайте вместе. Вечером у нас семейный ужин в честь начала твоего семестра, не задерживайтесь.

Я открыла рот, чтобы возразить, но Дрейк опередил меня. Он сделал два шага вперед, сокращая дистанцию и прежде чем я успела отшатнуться, его рука легла мне на поясницу — легко, почти невесомо для посторонних глаз, но пальцы сжали ткань тренча с такой уверенностью, что у меня перехватило дыхание.

— Идем, сестренка, — произнес он громко, с безупречной улыбкой обращаясь к родителям, но наклонившись к самому моему уху, так что его горячее дыхание обожгло шею. — Не заставляй старшего брата нервничать. Ты ведь не хочешь устроить сцену прямо на пороге?

Мой пульс взлетел до небес. Я чувствовала жар его ладони даже сквозь плотную ткань плаща и шелк блузки. Кожа в этом месте мгновенно заныла, требуя большего, и от этого осознания мне захотелось провалиться сквозь мраморный пол.

— Убери руку, — прошипела я сквозь зубы, натягивая на лицо вежливую полуулыбку для отца и Эвелин, которые

смотрели на нас с явным умилением. — Я сама могу идти.

— Ноги не заплетаются от волнения? — шепнул он в ответ, чуть сильнее надавливая на поясницу и подталкивая меня к выходной двери. — Выглядишь так, будто сейчас упадешь в обморок.

Мы вышли на крыльцо. Как только тяжелая дверь захлопнулась за нашими спинами, отрезая нас от взглядов родителей, я резко дернулась в сторону, сбрасывая его руку.

— Еще раз прикоснешься ко мне так при них — я плесну тебе в лицо горячим кофе, Дрейк. Клянусь.

Он остановился у черного матового «Порше», припаркованного на дорожке, и медленно повернулся ко мне. В утреннем сером свете его лицо казалось еще более резким, а под глазами залегли легкие тени — похоже, он спал не больше моего.

— Ого, у котенка прорезались когти? — лениво протянул он, опираясь бедром о крыло машины и скрещивая руки на груди. — А я думал, ты растеряла весь свой боевой запал в провинции. Знаешь, Слоун, твоя реакция только выдает тебя с потрохами.

— Ничего она не выдает!

— Правда? — он приподнял одну бровь, и на его губах заиграла сводящая с ума ухмылка. — Тогда почему у тебя до сих пор дрожат пальцы, а пульс на шее бьется так, будто ты пробежала марафон? Я всего лишь положил руку тебе на талию.

Я инстинктивно сжала ладони в кулаки и засунула их в карманы.

— Это от отвращения, Дрейк. Меня тошнит от этого фарса.

В его янтарных глазах на долю секунды погасли все насмешки. Взгляд стал тяжелым, колючим, словно осколок бутылочного стекла.

— Садись в машину, — бросил он сухо, отворачиваясь и открывая водительскую дверь. — Если мы опоздаем на первую пару, твой отец вынесет мне мозг, а у меня сегодня и без того паршивое утро.

Я постояла секунду, взвешивая, стоит ли демонстративно развернуться и пойти в гараж, но поняла, что у меня нет ни сил, ни времени на этот детский сад. Я молча обошла машину и села на пассажирское сиденье.

Салон пах дорогой кожей, черным кофе и им. Слишком сильно пах им. Замкнутое пространство автомобиля мгновенно сжалось до размеров спичечного коробка. Я прижалась к двери, стараясь держать максимальную дистанцию, и уставилась в боковое окно.

Дрейк завел двигатель. Мотор глухо заурчал, и машина плавно тронулась с места, выезжая за ворота поместья.

Первые десять минут мы ехали в абсолютной тишине. Только мерный шум шин по мокрому асфальту и тихий стук дворников, смахивающих мелкую морось со стекла. Я смотрела на проплывающие мимо серые дома, но боковым зрени-

ем видела каждую деталь: как его длинные пальцы уверенно держат руль, как напрягаются мышцы предплечья при переключении передач, как четко очерчен его профиль.

Три года назад я знала на ощупь каждый шрам на этих руках. Знала, как он хмурится во сне, как смеется, запрокидывая голову, и как нежно умеет касаться, когда вокруг никого нет. Теперь рядом со мной сидел незнакомец в черной коже — холодный, закрытый и опасный.

— Зачем ты вернулась? — вдруг спросил он, не отрывая взгляда от дороги. Голос звучал без привычного сарказма, и от этого вопрос ударил еще сильнее.

Я медленно повернула к нему голову.

— У меня погибла мама, Дрейк. Если ты вдруг забыл.

— Я не забыл, — тихо ответил он. Его пальцы сильнее сжали кожаную оплетку руля, костяшки побелели. — Мои соболезнования. То, что случилось с тем рейсом... это дерьмово. Но у тебя были сбережения, была учеба в другом штате. Ты три года делала всё, чтобы не иметь с Артуром ничего общего. И вдруг — срываешься с места и переезжаешь в его дом.

— Это не твое дело.

— Теперь мое, — он бросил на меня быстрый взгляд. — Ты живешь под одной крышей с моей матерью. И ты ввязалась в игру, правил которой не знаешь, Слоун. Артур Вейн не из тех людей, кто берет под крыло из внезапно проснувшейся отцовской любви. У него на всё есть свой расчет.

У меня внутри похолодело.

— О чем ты говоришь?

Дрейк усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья.

— Просто держись в стороне, ладно? Ходи на лекции, улыбайся за ужином, делай вид, что мы идеальная семья, и не лезь никуда. Если увидишь у дома людей, которые не похожи на его деловых партнеров — разворачивайся и уходи.

— Ты сейчас угрожаешь мне или предупреждаешь? — тихо спросила я, вглядываясь в его профиль.

— Я пытаюсь сохранить твою упрямую голову на плечах, — отрезал он, резко поворачивая руль и въезжая на территорию университетского кампуса. — Хотя, зная тебя, это абсолютно бесполезное занятие.

Университет Сент-Клер выглядел как декорация к фильму о жизни старой аристократии: готические здания из темного кирпича, увитые плющом, ухоженные аллеи и парковка, забитая машинами, стоимость которых превышала бюджет небольшого города.

Как только машина Дрейка затормозил у главного корпуса, я почувствовала на себе десятки взглядов. Студенты, толпившиеся на ступенях, мгновенно притихли, провожая машину глазами.

— Похоже, ты здесь местная звезда, — сухо заметила я, расстегивая ремень безопасности.

— Привыкай, — бросил Дрейк, глуша двигатель. — Те-

перь ты моя сводная сестра. На тебя будут смотреть под микроскопом.

Мы вышли из машины одновременно. Прохладный ветер ударил в лицо, принося запах мокрых листьев и кофе из кофейни. Я поправила ремень сумки на плече и уже собиралась направиться к центральному входу, чтобы найти деканат, как вдруг путь мне преградила группа парней и девушек.

Впереди шел высокий блондин в свитере с ленивой, самоуверенной улыбкой на лице.

— Вэлмонт, брат, мы уже думали, ты сегодня прогуляешь, — протянул блондин, протягивая Дрейку руку для приветствия, но его взгляд тут же скользнул на меня, оценивающе задерживаясь на ногах и талии. — Ого. А это кто у нас? Не припомню, чтобы на экономическом появлялись такие... интересные новенькие.

Я внутренне поморщилась от этого липкого, самодовольного тона, но прежде чем успела ответить, Дрейк шагнул вперед, буквально заслоняя меня собой.

Его плечи расправились, взгляд потемнел, а в голосе зазвучали ледяные нотки, что улыбка блондина мгновенно сползла с лица.

— Это Слоун, Маркус, — произнес Дрейк, и его рука снова легла мне на спину, притягивая на полшага ближе к себе. На этот раз в этом жесте не было сарказма, в нем был собственнический инстинкт, который он даже не пытался скрыть. — Моя сводная сестра. И если я еще раз увижу, что

ты смотришь на нее так, будто выбираешь десерт в меню, я сломаю тебе челюсть. Усек?

Над площадкой перед корпусом повисла гробовая тишина. Несколько студентов, стоявших рядом, втянули головы в плечи. Маркус побледнел, нервно сглотнул и поднял руки, делая шаг назад.

— Понял, Дрейк. Без обид. Просто поздоровался. Привет, Слоун.

Он поспешно развернулся и скрылся в дверях корпуса, уводя за собой остальных. Я стояла, затаив дыхание, чувствуя, как горячая ладонь Дрейка всё еще лежит между моих лопаток, обжигая кожу через одежду.

— Ты с ума сошел?! — тихо выдохнула я, поднимая на него глаза, полные шока и злости. — Зачем ты устроил это представление? Ты же сам десять минут назад сказал, что мы должны держаться друг от друга на расстоянии вытянутой руки!

Дрейк медленно опустил на меня взгляд. Его лицо снова стало непроницаемым, но в глубине янтарных зрачков всё еще плясали темные искры нерастраченной ярости.

— Правила изменились, куколка, — тихо сказал он, убирая руку с моей спины, отчего мне вдруг стало невыносимо холодно. — Здесь слишком много стервятников. А я не люблю, когда кто-то тянет грязные руки к тому, что... находится под моей ответственностью.

Он кивнул в сторону входа.

— Идем. Твоя аудитория на втором этаже. И, Слоун...

Я замерла на нижней ступеньке, оборачиваясь к нему.

— Если еще раз улыбнешься такому придурку, как Маркус, я запру тебя в комнате до конца семестра. Даже твой отец не поможет.

Я смотрела ему вслед, когда он широким, уверенным шагом направился к дверям и поняла, что совершила страшную ошибку, вернувшись в этот город.

Я думала, что еду в дом отца, чтобы переждать горе. А на самом деле я шагнула прямо в клетку к хищнику, который никогда не умел отпускать то, что однажды посчитал своим.

Глава 3. Дрейк

«Между нами искрило даже тогда, когда мы клялись, что всё кончено — сама судьба не хотела стирать эту линию между нашими жизнями.

Он прятал свою тревогу за жёсткими словами и ледяными взглядами, но в каждом резком движении сквозила отчаянная попытка удержать её рядом.

Она боялась снова поверить в эту бурю, а он — признать, что без неё мир теряет краски.

И всё же, вопреки всему, их тянуло друг к другу — как два огня, которым не суждено гореть порознь».

Я знал, что она вернется.

Не сегодня и, возможно, не в этом году, но с того самого момента, как ее мать захлопнула дверь моей машины три года назад и увезла Слоун в другой штат, у меня в груди заседало зловещее предчувствие.

Такие, как Артур Вейн, не отпускают то, что считают своим, до конца. Рано или поздно орбиты должны были снова пересечься.

Но когда в два часа ночи раздался тот звонок из авиакомпании, а в утренних новостях промелькнули кадры горящих обломков в ущелье, земля под ногами все равно качнулась.

Я стоял у панорамного окна своей комнаты на втором эта-

же дома, крутя в пальцах стакан с виски, и смотрел на то, как у ворот останавливается черный «Мерседес».

Она изменилась. Три года назад Слоун была угловатой, испуганной девчонкой, которая пряталась за чужими спинами и дрожала от каждого резкого звука. Сейчас из машины вышла женщина. В ее прямой спине, в том, как она сжимала ремень и вскидывала подбородок, читалась броня, что даже дождь казался мягче ее взгляда.

Она привезла с собой запах чужого города, чужой боли и пепел той катастрофы, которая выжгла в ней все прежние страхи.

Когда мать, счастливая и ничего не подозревающая в своем новом замужестве, восторженно представила нас друг другу в холле, меня накрыло таким ударом тока, что в глазах потемнело.

Сводные брат и сестра.

Какая ирония. Артур даже не представлял, в какую гремучую смесь он ткнул пальцем. Он думал, что приютил сироту, запер ее в золотой клетке и теперь будет диктовать правила. Он понятия не имел, что эта «девочка» три года назад забрала с собой половину моего рассудка, оставив взамен только жажду ее вернуть.

Когда наши пальцы соприкоснулись при рукопожатии, я едва сдержался, чтобы не дернуть ее на себя прямо при родителях. Она смотрела на меня с таким откровенным отвращением и затаенной болью, что это обожгло лучше любого

розжига. Ее кожа была ледяной, а пульс на запястье бился сумасшедше.

«Привет, сестренка», — выплюнул я, наслаждаясь тем, как вздрагивают ее ресницы.

За ужином я пил вино и наблюдал за ней. Она сидела напротив, ковыряла вилкой чертов салат и старалась не смотреть в мою сторону, но я спинным мозгом чувствовал каждый ее вдох.

Каждый раз, когда Артур открывал рот, говоря о ее учебе и о том, как «я о ней позабочусь», меня корежило изнутри. Вейн думал, что держит всех нас на коротком поводке. Он не знал главного: игра уже началась, и карты в ней были краплеными с самого начала.

Когда она наконец поднялась наверх, я дал ей ровно пять минут, чтобы дойти до восточного крыла. Я догнал ее в полутемном коридоре. Мне нужно было сорвать с нее эту маску неприступности, пробить эту корку, пока она окончательно не закрылась в своей раковине.

Когда я впечатал ее спиной в стену, прижавшись всем телом и перекрывая любые пути к отступлению, воздух между нами мгновенно накалился до предела.

От нее пахло дождем и тем самым горьким миндалем, который преследовал меня все эти три года в ночных кошмарах.

— Какого черта ты творишь? — прошипела она шепотом, упираясь ладонями мне в грудь.

Ее пальцы дрожали, но в глазах полыхал огонь, что мне захотелось рассмеяться ей в лицо от облегчения. Она была живой. Чертовски живой и злой.

— Убери руки! Нас могут увидеть!

— Пусть смотрят, — промурчал я, наклоняясь к самому ее виску, впитывая этот родной, ненавистный запах. — Старший брат просто решил убедиться, что его бедная, убитая горем сестренка благополучно добралась до спальни. Разве это преступление?

Она огрызалась, пыталась оттолкнуть меня, обвиняла в том, что я знал о свадьбе и молчал. Но когда моя рука скользнула по ее щеке, заправляя прядь волос за ухо, я почувствовал, как ее тело предает ее саму. По ее коже побежали мурашки, а дыхание сбилось. Она все еще чувствовала меня так же остро, как и я ее.

Но когда я заговорил о ее отце, о тех правилах, по которым ей придется здесь выживать, на ее лице проступило замешательство. Она думала, что приехала в безопасный родительский дом переждать бурю. Наивная.

Артур Вейн продал бы собственную душу за пару лишних процентов акций своего бизнеса, и ее внезапное появление в этом особняке сразу после гибели матери выглядело слишком удобно, слишком вовремя, чтобы быть простой случайностью. Кто-то за шахматной доской передвинул фигуру, и я должен был выяснить кто, пока эту пешку не смахнули с доски окончательно.

— Я сделаю так, что ты сама сбежишь отсюда, — бросил я ей на прощание, отступая назад и надевая маску равнодушия. — Во второй раз. И на этот раз я даже не стану смотреть тебе вслед.

Ложь. Я бы побежал за ней на край света, и она прекрасно это знала. Именно поэтому ее глаза потемнели от ярости.

Утро понедельника встретило меня тяжелой головой и перспективой трехчасового сна за последние двое суток.

Я уходил из дома до рассвета, мотался по делам на другом конце города, выбивая долги из людей, которые думали, что могут кинуть бизнес Артура, а заодно пытаясь нащупать концы той истории с крушением самолета. Официальное заключение гласило: отказ двигателя в сложных метеоусловиях. Но случайные отказы двигателей случались так же часто, как внезапное выпадение снега в июле.

Когда я вернулся к завтраку, она уже спускалась по лестнице.

Слоун выглядела как воплощение строгости и неприступности: черный брючный костюм, белая шелковая блузка, застегнутая на все пуговицы, и этот проклятый высокий хвост.

Но под глазами залегли тени, а бледность кожи выдавала бессонную ночь.

Когда Вейн распорядился, чтобы я отвез ее в кампус, я поймал себя на злорадном предвкушении. Ей казалось, что она сможет просто сесть в свою машину и уехать в закат?

Черта с два.

У парадного крыльца, когда мы уже вышли на улицу, я позволил себе лишнее — провел рукой по ее пояснице, чувствуя, как напрягается каждый мускул под тонкой тканью ее тренча. Ее угрозы плеснуть мне в лицо горячим кофе звучали так по-домашнему, так привычно, что уголки моих губ сами собой дернулись в усмешке.

Дорога до университета прошла в тишине. Но стоило ей заговорить о матери и о том, что у нее «не было выбора», как внутри снова заворочался холодный ком. Она не понимала. Она думала, что главная угроза здесь — это я, мое прошлое и наша общая незавершенная история. Она не видела тех теней, что уже сгущались вокруг особняка Вейна, пока ее отец разыгрывал свою многоходовку.

А потом был кампус.

Когда этот самодовольный ублюдок Маркус подкатил к ней на ступенях, оценивающе лапая ее глазами, во мне сработал предохранитель. Весь тот расчет последних лет испарились за долю секунды. Я шагнул вперед, закрывая ее собой, притянул к себе так близко, чтобы каждый в этой толпе понял: она моя. И если кто-то попытается сделать шаг в ее сторону — я переломаю им ноги.

Когда я прошипел Маркусу предупреждение, а потом бросил Слоун про «запру в комнате до конца семестра», я видел в ее глазах шок. Она думала, что я просто тиран, упивающийся властью.

Пусть думает. Главное, чтобы она держалась от Маркуса и прочих стервятников на расстоянии вытянутой руки.

Я оставил ее стоять у дверей аудитории, развернулся и пошел к своему корпусу, чувствуя, как по венам вместо крови растекается свинец.

Игра началась, Слоун. Ты хотела вернуться к отцу? Добро пожаловать в ад. На этот раз я не позволю тебе ускользнуть.

Глава 4. Слоун

«В их взглядах сплетались лёд и пламя — и каждый этот миг был опаснее любой битвы. Он прятал за холодом страх потерять её, а она за гордостью — жажду поверить ему хоть на секунду.

Между ними бушевал шторм, и всё же в этом вихре они находили странный, болезненный покой. Слов не нужно: их сердца говорили на языке старых ран и несказанных клятв».

Университетские коридоры пахли старым паркетом, дорогим кофе из автомата и тем особым видом нервного напряжения, который бывает только перед первой лекцией семестра.

Я сидела за последним столом аудитории по экономике права, крутя между пальцами гелевую ручку, но буквы в конспекте упорно расплывались. В голове всё еще был голос Дрейка на парковке и его угроза «запереть меня в комнате», если я еще раз посмотрю не в ту сторону.

Безумец. Самый настоящий, зацикленный на собственном контроле тиран, который искренне верил, что имеет право решать, кому я могу улыбаться, а кому нет.

— Эй, новенькая? — тихий голос справа выдернул меня из мыслей.

Я повернула голову. Рядом со мной за партой сидела миниатюрная девчонка с растрепанным ярко-рыжими каре и

дерзким блеском в карих глазах. Она поигрывала серебряным кольцом на мизинце и смотрела на меня с явным любопытством.

— Я Мия. И судя по тому, как на тебя уставился весь поток после утреннего цирка с Велмонтом, жить тебе здесь будет весело. Или недолго.

Я невольно усмехнулась, захлопнув блокнот.

— Зависит от того, считать ли смертельным диагнозом нахождение рядом с невыносимым сводным братом.

Мия хмыкнула, закинув ногу на ногу.

— О, Дрейк Велмонт — это отдельная категория стихийных бедствий. Здесь все знают: к нему лучше не приближаться ближе, чем на метр, если не хочешь оказаться в черном списке местного студенческого совета или схлопотать проблемы покруче. Он держит под контролем половину потока и всю футбольную команду. И уж поверь, то, как он прикрывал тебя сегодня от Маркуса... это было больше похоже на территориальную метку, чем на заботу о родственнице.

Внутри меня все напряглось.

— Он мне не родственник, — сухо процедила я.

— Тем интереснее, — подмигнула Мия. — Знаешь, слухи о том, что дочь Артура Вейна возвращается в город после трехлетнего отсутствия, ходили еще до твоего появления. А уж когда выяснилось, что твой папаша женился на матери Дрейка... ставки на то, через сколько вы переубиваете друг друга, делали даже в мужском общежитии.

Звонок на лекцию оборвал наш разговор, но слова Мии занозой засели в сознании. Территориальная метка. Именно так это и выглядело. Дрейк не просто играл роль строгого брата — он выстраивал вокруг меня железный периметр, отрезая любые пути к отступлению. И мне нужно было выяснить, почему.

День тянулся мучительно долго. Лекции сменяли друг друга, но я едва улавливала суть того, что говорили профессора. Мои мысли крутились вокруг того факта, что я нахожусь в эпицентре чужих игр.

Отец, женившийся на матери человека, который знает обо мне всё, сам Дрейк, превративший мою жизнь дома в минное поле, и та проклятая авиакатастрофа, унесшая маму, в которую я до сих пор отказывалась верить, как в простую случайность.

Когда занятия закончились, я отказалась от компании Мии, сославшись на головную боль, и вместо того, чтобы идти к парковке, где меня наверняка ждал этот чертов «Порше», свернула в сторону старого административного крыла.

Вернувшись в дом ближе к вечеру, я убедилась, что в холле тихо. Эвелин, судя по запаху ванили и корицы, возилась на кухне с поваром, а отец задерживался в офисе. Я бесшумно поднялась по лестнице, дошла до восточного крыла и уже собиралась нырнуть в коридор, ведущий к отцовскому кабинету, как за спиной раздался низкий голос:

— И куда это мы крадемся, сестренка?

Я резко замерла, чувствуя, как по спине пробегают мурашки. Медленно обернувшись, я увидела Дрейка. Он стоял у арочного проема, прислонившись плечом к косяку. На нем была черная рубашка с закатанными до локтей рукавами, обнажающими рельефные мышцы и темные линии старых татуировок. В руках он крутил тяжелый металлический зажим для бумаг. Я невольно сжала плечи, хотя он даже не смотрел на меня с угрозой — он смотрел так, будто уже просчитывал варианты, как вытащить меня из этой ямы, не запачкавшись

— Тебе какое дело, Дрейк? — как можно спокойнее бросила я, вскидывая подбородок. — Имею право прогуляться по собственному дому.

Он оттолкнулся от косяка и стал медленно сокращать расстояние между нами, шагая по мягкому ковру.

— Собственный дом — это прекрасно, — тихо произнес он, останавливаясь в шаге от меня. От него разило дождем, озоном и тем самым горьким миндалем. — Только вот коридор, в котором ты стоишь, ведет в кабинет Артура. А туда без приглашения лучше не соваться. Особенно если ты не хочешь случайно найти то, к чему твоему хрупкому сердечку прикасаться противопоказано.

Его глаза в полумраке коридора казались абсолютно черными.

— Ты о чем? — мой голос дрогнул, несмотря на все попытки сохранить холодный тон.

Дрейк протянул руку, и я затаила дыхание, ожидая, что он

снова впечатает меня в стену. Но он лишь поднял ладонь и кончиками пальцев едва заметно коснулся моего плеча, смахивая невидимую соринку, а затем опасно близко наклонился к самому уху:

— О том, куколка, что твои тайные расследования — это самый быстрый способ оказаться на том же кладбище, где лежит твоя мать.

Мир вокруг меня рухнул. Я в ужасе уставилась на него, не в силах вымолвить ни слова. Ноги вдруг стали ватными, а в груди образовалась пустота, что даже вдох давался с трудом.

— Откуда ты… — прошептала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Голос звучал чужим, тонким, будто принадлежал кому-то другому

— Я же говорил, Слоун. Ты играешь в чужие игры. А теперь иди к себе и готовься к семейному ужину. Артур терпеть не может опозданий, а мне чертовски надоело прикрывать твою упрямую задницу.

Глава 5. Слоун

Слова Дрейка висели в воздухе, пока он разворачивался и уходил по коридору в противоположную сторону. Его шаги стихли за поворотом, а я так и осталась стоять посреди полутемного коридора, чувствуя, как внутри меня рушится последняя иллюзия безопасности.

«Твои тайные расследования... это самый быстрый способ оказаться на том же кладбище, где лежит твоя мать».

Откуда он знал? Я еще никому не говорила, даже себе до конца не признавалась, что собираюсь копаться в бумагах отца и поднимать старые отчеты. Для всех я была просто сломленной потерей девушкой, которая приехала под крышу отцовского дома зализывать раны. А для Дрейка я оказалась открытой книгой. Или, что еще хуже, мишенью.

Но вместо страха волна за волной поднималась решимость. Если он думал, что испугает меня угрозами, то чертовски ошибался. Мама погибла не просто так. Я чувствовала это каждой клеточкой кожи — слишком вовремя, слишком удобно для отца, решившего начать новую жизнь с Эвелин. Я развернулась и почти бегом бросилась в свою комнату.

Семейный ужин начался ровно в восемь.

Отец сидел во главе стола, погруженный в свои мысли,

Эвелин пыталась создать атмосферу тепла и уюта, то и дело обращаясь ко мне с мягкими вопросами, а Дрейк... Дрейк сидел рядом молчаливый и с бокалом сухого красного вина в руке. За весь вечер он не сказал мне ни слова, но каждый раз, когда я поднимала глаза, натыкался на его контролирующий взгляд.

— Слоун, дорогая, ты почти ничего не ешь, — заботливо заметила Эвелин, двигая ко мне салатницу. — Учеба так утомила?

— Все в порядке, Эвелин, просто аппетита нет, — ответила я, заставляя себя улыбнуться уголками губ. — Учеба интересная. Профессора требовательные, но справляться можно.

Артур поднял бокал, оторвавшись от своих мыслей, и посмотрел на меня с холодноватым одобрением.

— Рад слышать. Ты всегда была умной девочкой, Слоун. В отличие от твоей матери, которая вечно витала в облаках и искала независимости там, где нужна была прагматичность.

Внутри меня всё закипело. Упоминание матери в таком тоне — так легко, между делом, будто она была досадной помехой в его безупречной биографии — едва не заставило меня швырнуть вилку на стол. Я уже открыла рот, чтобы высказать всё, что думаю о его «прагматичности», но под столом, горячая рука резко легла мне на колено. Я задохнулась на полуслове, качнувшись вперед.

Пальцы Дрейка — те самые, что еще час назад грозили

мне могилой — с неожиданной силой впечатались в мою ногу, чуть выше колена, прижимая ее к стулу и предупреждающе сжимая кожу. Я резко повернула голову. Дрейк даже не смотрел на меня. Он продолжал спокойно слушать отца, слегка наклонив голову, но на его губах играла едва заметная тень усмешки. Его пальцы на моем колене чуть шевельнулись, передавая безмолвное послание: «Сиди тихо. Не смей устраивать сцену за этим столом, если дорога жизнь».

Сердце колотилось где-то в горле. Воздух в столовой стал горячим и липким. Я сидела, зажатая между отцовскими нравоучениями и хваткой Дрейка, чувствуя себя диким зверьком в ловушке.

— Ты что-то сказала, Слоун? — Артур бросил на меня вопросительный взгляд.

— Нет, отец, — выдавила я, чувствуя, как голос срывается. Под столом я вцепилась ногтями в обивку стула, стараясь не выдать дрожь в теле. — Я говорю... ты абсолютно прав. Прагматичность — это важно.

Дрейк убрал руку только тогда, когда ужин подошел к концу, а Эвелин предложила подать десерт в гостиной. На коже остался фантомный жгучий след от его пальцев, напоминающий о том, что этот дом полон ловушек, и главная из них сидит со мной за одним столом.

Следующие несколько дней превратились в изнуряющую гонку на выживание. В университете я старалась держаться как можно дальше от Дрейка, но он словно тень преследовал

меня по кампусу. Стоило мне задержаться у шкафчиков после лекции или заговорить с кем-то из однокурсников, как из-за угла неизменно появлялся его силуэт.

Он ничего не говорил — просто молча вставал рядом, и одного его присутствия было достаточно, чтобы все потенциальные собеседники мгновенно исчезали. Мия только посмеивалась над этим, когда мы пили кофе в кафе в среду днем.

— Серьезно, Слоун, твой сводный брат охраняет тебя лучше, чем секретную службу президента США, — говорила она, помешивая ложечкой капучино. — Вчера на парковке Маркус попытался передать тебе конспекты по международному праву, так Дрейк посмотрел на него так, будто собирался скормить аллигаторам. Ты уверена, что он тебе просто брат?

Я поперхнулась кофе, лихорадочно вытирая салфеткой губы.

— Боже упаси, Мия. Мы... мы терпеть друг друга не можем. Это просто семейная гиперопека. Отец попросил его приглядывать за мной.

— Ну да, ну да, — протянула подруга с хитрой улыбкой. — Гиперопека с глазами маньяка, который готов убить любого за лишний взгляд в твою сторону. Смотри аккуратнее, дорогая. В таких фанатичных сюжетах обычно либо женятся, либо кто-то кого-то закапывает в лесу.

Шутка Мии попала в самую точку. Именно это ощущение

преследовало меня.

В тот же вечер, вернувшись домой около шести вечера, я обнаружила, что дом пуст. Отец улетел в командировку в Чикаго на два дня, Эвелин уехала на благотворительный вечер в город, а прислуга была занята на кухне в дальнем крыле.

Шанс.

Я поднялась на второй этаж, стараясь ступать бесшумно, и направилась прямиком в кабинет отца. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее птичье крыло. Ладони вспотели. Если дверь заперта, если он сменил шифр на электронном замке — вся моя конспирация летит к чертям. Я подошла к двери кабинета и дернула за ручку.

Щелк.

Замок поддался. Дверь тихо отворилась, впуская меня в полумрак помещения, пахнувшего кожей, старыми бумагами и дорогим табаком. Я шагнула внутрь, плотно притворив за собой створку, и щелкнула настольной лампой. Свет выхватил из темноты массивный письменный стол из красного дерева, кожаные кресла и ряды книжных шкафов вдоль стен. Мне нужно было найти сейф или тайник. Обычно такие люди, как Артур Вейн, хранят компромат, контракты и дубликаты документов либо за картиной, либо вмонтированными в стену за фальшпанелью.

Я бросилась к столу, лихорадочно выдвигая ящики.

Пусто.

Только ручки, счета, деловые блокноты с записями. Я за-

глянула под столешницу, проверила панели шкафов, шаря пальцами по холодному дереву в поисках потайного рычага.

Внезапно в тишине кабинета раздались тихие шаги. Кто-то шел сюда. Я заметалась по кабинету, пытаясь найти укрытие, но прятаться было негде. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, его слышно в коридоре. Я метнулась к книжному шкафу, потянула на себя тяжёлую полку, надеясь хоть как-то заслониться, но дерево лишь глухо скрипнуло. В этот момент лампа на столе моргнула и погасла, и темнота накрыла комнату, как плотное одеяло. Я застыла, не в силах сделать ни шага, чувствуя, как холодный пот стекает по спине.

Дверная ручка медленно повернулась. В проеме показалась высокая фигура. Свет из холла падал на резкие черты лица Дрейка, освещая его холодные, потемневшие от гнева глаза. Он вошел внутрь и запер дверь за собой на ключ.

— И долго ты собиралась играть в детектива, Слоун? — спросил он, прислонившись спиной к закрытой двери и скрестив руки на груди. — Или тебе обязательно нужно, чтобы тебя поймали с поличным, прежде чем до твоего упрямого мозга дойдет вся глупость этой затеи?

Глава 6. Дрейк

Этот проклятый университет был слишком тесным для нас двоих. Слишком много лишних глаз, слишком много самодовольных щенков, которые возомнили, будто если девушка не ходит по кампусу с каменным лицом и не носит на безымянном пальце кольцо размером с грецкий орех, то она — свободная добыча.

Я сидел на втором этаже студенческого кафетерия, у самого окна, цедя сквозь зубы остывший черный кофе без сахара, и смотрел вниз, на вымощенный брусчаткой внутренний двор. Отсюда открывался идеальный обзор на главную аллею, фонтан и столики под навесами.

Слоун сидела у самого края террасы вместе со своей новой рыжей приятельницей Мией. Я навел справки о ней еще в понедельник вечером: дочь какого-то окружного судьи с безупречной репутацией, болтливая, но безвредная. По крайней мере, в дела Артура Вейна и его бизнеса она точно не впутана, так что я позволил им общаться.

На Слоун сегодня были черные классические брюки, обтягивающие ее длинные ноги так, что у меня с самого утра сводило челюсти, и темно-серая шелковая блузка с расстегнутой верхней пуговицей. Волосы она снова стянула в свой любимый тугой хвост, открывая тонкую, бледную шею. Даже отсюда, с высоты второго этажа, я видел, как напряже-

ны ее плечи. Она сидела прямо, словно проглотила линейку, но я слишком хорошо знал ее повадки: каждые пару минут ее пальцы нервно теребили край бумажного стаканчика, а взгляд то и дело метался по сторонам, выискивая угрозу. Она искала улики. Искала зацепки по делу о крушении того чертового самолета.

Вчера вечером, когда я поймал ее в кабинете Артура, меня накрыло таким ужасом, какого я не испытывал даже в те ночи, когда приходилось разбираться с вооруженными должниками. Она стояла посреди комнаты, освещенная тусклым светом настольной лампы, с расширенными от испуга зрачками, готовая броситься на амбразуру ради правды, которая сожрет ее с потрохами. Артур Вейн не оставляет следов в ящиках письменного стола, но если бы в этот кабинет зашел не я, а его начальник службы безопасности или кто-то из «партнеров», Слоун бы уже не сидела сейчас в университетском дворе.

Я сжал виски пальцами, пытаясь унять пульсацию. Пару часов сна в сутки давали о себе знать. Но стоило мне отнять руку от лица и снова посмотреть вниз, как вся усталость мгновенно испарилась, сменившись раскаленным свинцом в венах.

К их столику направлялся Маркус.

Этот самодовольный ублюдок в кремовом кашемировом свитере шел своей обычной вальяжной походкой, засунув руки в карманы брюк и широко улыбаясь, словно весь Сент-

Клер принадлежал его папаше. Он явно решил, что мое предупреждение было просто дешевым спектаклем на публику.

Я замер, впившись пальцами в пластиковый стаканчик с кофе. Маркус подошел к столу, небрежно кивнул Мие — та демонстративно закатила глаза и уткнулась в свой телефон, — а затем, даже не спросив разрешения, отодвинул свободный стул и уселся прямо напротив Слоун.

Он наклонился вперед, опираясь локтями о столешницу, и что-то заговорил. Я не слышал слов, но видел его маслянистый взгляд, который скользил по ее лицу, спускался к вырезу блузки. А затем Маркус протянул руку через стол и «случайно» накрыл своими пальцами ее запястье, лежащее рядом с тетрадью.

Слоун вздрогнула и тут же отдернула руку, но при этом вежливо, натянуто улыбнулась, стараясь не устраивать сцену при посторонних.

Для меня эта улыбка стала последней каплей.

В груди что-то с глухим треском оборвалось. Вся выдержка, которую я выстраивал последние три года, рассыпались в пыль за доли секунды. Пластиковый стаканчик в моей руке хрустнул и треснул по шву; остатки холодного кофе выплеснулись на стол и темные джинсы, но я даже не заметил этого. Я поднялся из-за стола так резко, что стул с грохотом отлетел назад, ударившись о перегородку. Пара первокурсников за соседним столиком втянули головы в плечи и поспешно отвернулись.

Мне потребовалось меньше тридцати секунд, чтобы спуститься по лестнице, распахнуть стеклянные двери кафетерия и пересечь внутренний двор. Люди расступались передо мной сами, чувствуя ту удушливую волну ярости, которая катилась впереди меня. Мне было абсолютно плевать на деканские правила, на репутацию, на то, что завтра об этом будет шептаться весь поток.

Я шёл через двор, и каждый шаг отдавался в висках. В груди что-то трещало. Спокойно. Ты не сломаешь ему кости. Ты просто скажешь ему уйти. Но стоило мне подойти ближе и увидеть, как его пальцы накрывают её запястье, как все эти установки рассыпались в пыль.

Я подошел к их столику со спины Маркуса. Он как раз снова подался вперед, открывая рот для очередной плоской шутки, когда моя правая рука с силой опустилась на спинку его деревянного стула. Я рванул его назад, что стул заскрежетал по брусчатке и едва не опрокинулся вместе с хозяином.

— Какого хрена?! — рявкнул Маркус, судорожно цепляясь пальцами за край стола, чтобы не рухнуть на асфальт.

Он резко обернулся, готовый полезть в драку, но слова застряли у него в глотке, едва он встретился со мной взглядом. Мое лицо, должно быть, не обещало ничего, кроме скорой поездки в травмпункт.

— Проблемы, Маркус? — тихо, почти вкрадчиво произнес я, нависая над ним сверху и опираясь обеими руками о

спинку его стула, запирая его в ловушку. — Или у тебя после последней тренировки проблемы со слухом, и ты не расслышал, что я сказал?

Вокруг нашего столика мгновенно образовалась вакуумная тишина. Студенты за соседними столами замерли с вилками и стаканами в руках, жадно ловя каждое слово. Маркус побледнел. Его самоуверенная ухмылка сползла с лица, как дешевый грим. Он нервно сглотнул, бросив быстрый взгляд на Слоун, которая сидела бледная как полотно, вцепившись пальцами в край своей сумки.

— Дрейк, остынь, — выдавил Маркус, стараясь придать голосу хоть каплю достоинства, хотя его кадык дернулся. — Мы просто обсуждали семинар по международному праву. Никто твою сестру не трогает.

— Она тебе не «сестра», ублюдок. Для тебя она — мисс Вейн, к которой ты не имеешь права подходить ближе, чем на пять метров, — процедил я, наклоняясь еще ниже, так что мои слова слышал только он. — Еще раз увижу, что ты тянешь к ней свои грязные руки — я сломаю тебе оба запястья и скажу, что ты неудачно упал на парковке. И поверь, твой папаша даже не станет подавать иск, когда узнает, с кем ты решил потягаться. Проваливай.

Маркус не стал проверять, блефую я или нет. Он подскочил со стула, сгреб свой блакнот в охапку и, не оглядываясь, быстрым шагом исчез в толпе студентов.

— Ой, кажется, я забыла телефон в аудитории, — писк-

нула Мия, мгновенно оценив обстановку.

Она подхватила свой рюкзак, бросила на Слоун виноватый, но полный восторженного ужаса взгляд и пулей скрылась за дверями главного корпуса.

Мы остались вдвоем.

Я медленно выпрямился и перевел взгляд на Слоун. Она сидела, вжавшись в спинку стула, но ее подбородок был упрямо вскинут вверх. Грудь часто вздымалась под тонким серым шелком, на бледных скулах проступили яркие розовые пятна ярости, а в темных глазах полыхал гнев, что от него можно было прикуривать.

— Ты совсем с ума сошел?! — прошипела она сквозь зубы, резко поднимаясь из-за стола. Ее голос дрожал от сдерживаемого крика, но она все же понизила тон, оглядываясь по сторонам на зевак. — Что ты творишь, Дрейк?! Он просто спросил про конспекты! Ты устраиваешь дешевый цирк на глазах у всего университета!

Я не ответил ни слова. Вместо этого я обошел стол, сокращая расстояние между нами до минимума, и сделал шаг вперед, вынуждая ее отступить назад, пока ее поясница не уперлась в каменный парапет фонтана.

Я встал вплотную к ней, полностью закрывая ее своим телом от любопытных взглядов со стороны аллеи. От нее пахло свежей бумагой и тем самым горьким миндалем, который за эти дни окончательно свел меня с ума.

— Он смотрел на тебя так, будто уже прикидывал, сколько

выпивки ему понадобится, чтобы затащить тебя в постель, Слоун, — выдохнул я низко, наклоняясь к самому ее лицу. Мой голос сорвался на хрип, в нем не осталось ни капли привычного сарказма. — А ты сидела, хлопала ресницами и позволяла ему лапать твою руку. Ты специально проверяешь, надолго ли хватит моих тормозов?

— Убери от меня руки! — она рванулась в сторону, пытаясь выскользнуть из-под моего плеча, но я мгновенно перехватил ее за запястья.

Мои пальцы сомкнулись вокруг ее тонких костей как стальные браслеты. Я прижал ее руки к ее же талии, вынуждая встать ко мне еще ближе, так что между нами не осталось даже глотка воздуха. Я чувствовал, как бешено колотится ее сердце, отбивая сумасшедший ритм прямо сквозь тонкую ткань ее блузки и моей футболки.

— Я тебе не вещь! — выдохнула она мне в лицо, дергая руками в моей хватке. Ее ресницы дрожали, в глубине темных зрачков плескалась злость. — Не твоя собственность! Не твоя игрушка, которой ты можешь командовать! Прекрати следить за мной, прекрати отгонять от меня людей и прекрати вести себя так, будто имеешь на меня хоть какие-то права!

— Мы живем под общей крышей, — жестко отрезал я, не ослабляя хватки ни на миллиметр. Я смотрел на ее приоткрытые, дрожащие от гнева губы и чувствовал, как внутри меня рушатся последние стены. — И пока ты находишь-

ся здесь, в этом городе, в этом университете, ты — моя проблема. И я буду решать, кто может к тебе приближаться, а кто нет.

— Пошел к черту, Дрейк! — прошипела она, на секунду переставая вырываться и глядя мне прямо в глаза. В ее голосе вдруг прорезалась надломленная горечь, что у меня сжалось сердце. — Я ненавижу тебя. Слышишь? Три года назад я думала, что знаю, что такое ненависть. Но сейчас... сейчас я ненавижу тебя в тысячу раз сильнее.

Эти слова должны были остудить меня. Должны были заставить отступить, разжать пальцы, надеть обратно свою непроницаемую броню равнодушия и уйти, как я делал это сотни раз.

Но вместо этого по венам ударил мощный разряд адреналина, что зазвенело в ушах. Ненависть была живой. Ненависть значила, что ей не плевать. Что под этим панцирем все еще горит та же девчонка, которая три года назад задыхалась в моих объятиях. Я наклонился еще ниже, так что кончик моего носа почти коснулся ее щеки, а горячее дыхание обожгло ее губы.

— Отличная новость, куколка, — прошептал я хрипло, глядя прямо в ее расширенные зрачки. — Ненавидь. Кричи. Пытайся сбежать. Мне плевать. Но клянусь богом, если еще раз увижу рядом с тобой Маркуса или любого другого ублюдка с этого потока — я забуду о том, что мы должны играть в семью. И тогда тебе придется объяснять Артуру, по-

чему его драгоценная дочь не выходит из моей спальни.

Слоун задохнулась. Ее грудь резко взметнулась вверх, щеки вспыхнули алым пламенем. Она открыла рот, чтобы ответить, но не смогла выдавить ни звука — только смотрела на меня широко распахнутыми, потрясенными глазами.

Я медленно разжал пальцы, отпуская ее запястья, но прежде чем сделать шаг назад, скользнул костяшками пальцев по ее щеке — короткое, собственническое прикосновение, от которого она вздрогнула всем телом.

— Занятия на сегодня закончены, — бросил я уже громче, возвращая на лицо привычную ленивую маску и кивая в сторону парковки. — Собирай свои вещи. Через пять минут жду тебя у машины. И не вздумай проверять мое терпение снова, Слоун. Сегодня его запас исчерпан.

Я развернулся и пошел прочь по аллее, чувствуя спиной ее прожигающий, полный бессильной ярости взгляд. Ладони все еще горели от прикосновения к ее коже, а в висках стучала только одна мысль: она доиграется. И я вместе с ней.

Глава 7. Слоун

Небо над университетом начало затягиваться свинцово-серыми тучами еще в середине дня, но к пяти часам вечера разверзлась настоящая бездна. Лил такой проливной дождь, что очертания готических зданий Сент-Клера полностью растворились в водяной завесе, а студенческие парковки за считанные минуты превратились в бурлящие потоки.

Я застряла в архивном корпусе университетской библиотеки. Мия уехала домой еще до начала ливня, а у меня лежал несданный реферат, который библиотекарь любезно разрешила дооформить на месте.

Когда я наконец захлопнула ноутбук и подошла к стеклянным дверям выхода, меня ждал неприятный сюрприз. На улице бушевала гроза. Деревья гнулись под порывами штормового ветра, вода заливала ступени сплошным водопадом, а главное — мобильная связь полностью легла. Ни один вызов не проходил. Такси вызвать было невозможно.

Я стояла на крыльце, кутаясь в тонкий тренч и раздумывая, не рискнуть ли побежать до ближайшей станции метро пешком, как прямо к ступеням подкатил черный матовый «Порше».

Дверца со стороны водителя открылась, и на крыльцо под козырек шагнул Дрейк. На нем была темная куртка с поднятым воротником, волосы слегка растрепались от ветра, а на

лице застыло раздражения, которое появлялось всегда, когда я нарушала его планы.

— Ты совсем рехнулась, Слоун? — его голос перекрывал шум ливня. Он схватил меня за локоть, не давая опомниться, и властно потянул за собой к машине. — Телефон вне зоны доступа, на кампусе объявлен штормовой предупредительный час, а ты стоишь здесь и ловишь попутки?

— Я не ловила попутки, я пыталась уйти домой! — возмутилась я, упираясь ногами, но его хватки было не разорвать.

Он открыл пассажирскую дверь и буквально затолкнул меня внутрь салона, захлопнув ее за моей спиной. Сам он обошел машину, сел за руль, и уже через секунду мы сорвались с места, выезжая с пустой парковки.

В салоне было темно, пахло дождем и его неизменным парфюмом. Печка работала на максимум, но меня все равно крупно била дрожь — то ли от сырости, то ли от того, как близко он находился.

Мы ехали в тишине минут десять. Ливень барабанил по крыше. Дворники метались по стеклу на предельной скорости, едва успевая сгонять воду. Я смотрела в боковое окно на размытые огни ночного города, чувствуя, как внутри нарастает напряжение.

— Дорогу размыло, — вдруг бросил Дрейк, сбрасывая скорость.

Я повернула голову. Центральное шоссе, ведущее к нашему поселку, впереди было перегорожено мигающими оран-

жевыми маячками дорожной службы и полицейскими патрулями. Над дорогой накренилось старое дерево, оборвав линии электропередач. Дрейк вырулил на обочину, заглушил двигатель и тяжело вздохнул, упершись лбом в руль.

— Прекрасно, — процедил он сквозь зубы. — Главный въезд заблокирован. Объезд через старый каньон займет не меньше двух часов, но его наверняка тоже затопило. Ехать туда сейчас — самоубийство.

— И что делать? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Дрейк повернул голову и посмотрел на меня в полумраке салона. Его янтарные глаза казались почти черными.

— В трех милях отсюда, у подножия холма, есть старый гостевой дом факультета экологии. Ключи от него всегда лежат у меня в бардачке на случай экстренных практик. Переждем грозу там.

Гостевой дом оказался небольшим деревянным коттеджем, спрятанным среди густых елей на склоне холма. Внутри пахло сухим деревом, пылью и старыми книгами. Дрейк щелкнул выключателем, но лампы не загорелись — электричество в округе отключили из-за бури. К счастью, на кухне нашлась пара толстых восковых свечей и старая керосиновая лампа.

Через десять минут в углу комнаты теплился живой, дрожащий свет, отбрасывая длинные тени на бревенчатые стены. За окнами бесновалась гроза, раскаты грома сотрясали

воздух, а молнии то и дело выхватывали из темноты силуэты сосен.

Я сидела на диване, обхватив плечи руками и пытаясь согреться. Мокрая блузка прилипала к телу, вызывая неприятную ознобную дрожь. Дрейк вышел из ванной комнаты, держа в руках сухое полотенце и плед, найденный в шкафу. Он подошел ко мне, молча опустился на колени перед диваном и протянул вещи.

— Снимай мокрую одежду, иначе заработаешь воспаление легких, — приказал он.

— Я сама справлюсь, — процедила я, отворачиваясь к стене.

— Слоун, не беси меня, — устало выдохнул он. В его голосе прорезалась уставшая хрипотца, что я на секунду замерла. — У нас нет сухой одежды, кроме этого пледа и моего свитера, который валяется в багажнике. Если ты сейчас же не согреешься, мне придется растирать тебя своими руками, а поверь, этого ты хочешь еще меньше.

Я, сжав зубы, выхватила у него полотенце.

— Отвернись.

Дрейк медленно поднялся, отступил к окну, где бушевала стихия, и замер спиной ко мне, давая мне возможность быстро избавиться от промокшей блузки и завернуться в мягкий, пахнувший древесным ароматом плед.

— Готово, — тихо сказала я через пару минут.

Он обернулся. Его взгляд скользнул по моим плечам,

укутанным в толстую шерсть, задержался на распущенных, влажных волосах, прилипших к шее, и в глубине его янтарных глаз что-то опасно качнулось.

Дрейк подошел ближе, опустился рядом на край дивана. Воздух между нами мгновенно стал горячим, несмотря на ледяной сквозняк из оконной щели.

— Ты вечно лезешь на рожон, Слоун, — тихо произнес он, протягивая руку и касаясь кончиками пальцев пряди моих мокрых волос. Его прикосновение было неожиданно мягким, но от него по коже все равно побежали электрические разряды. — Зачем ты полезла в кабинет Артура? Ты думаешь, это игра? Ты думаешь, сможешь переиграть людей, которые контролируют этот город?

— А ты думаешь, я буду сидеть сложа руки, пока все делают вид, что ничего не произошло?! — сорвалась я, поворачиваясь к нему лицом. Голос дрожал от накопившейся за эти дни боли и обиды. — Моя мама мертва, Дрейк! Ее самолет рухнул в ущелье, а отец четыре месяца гулял по чужим свадьбам и теперь строит из себя безутешного вдовца! Я должна знать правду!

Дрейк резко подался вперед, перехватил меня за плечи и притянул к себе так близко, что наши носы почти соприкоснулись.

— И что ты надеялась там найти? — его голос звучал жестко. — Документ с подписью Артура «Уничтожить самолет»? Ты ищешь справедливость там, где ее никогда не бы-

ло, Слоун. И втягиваешь в это себя. Если бы я не зашел в тот кабинет... если бы те люди узнали, что ты копаешь под их контракты... тебя бы уже не было в живых.

Его слова ударили сильнее пощечины. Я смотрела в его темные, горящие изнутри глаза и видела в них не просто гнев — я видела страх. Настоящий, затаенный страх за меня, который он так тщательно прятал за маской цинизма и тирании.

— Тебе не все равно? — шепнула я, чувствуя, как по щеке против воли скатывается первая слеза. — Ты же сам ненавидел меня за то, что я сбежала. Ты сам сказал, что выбросишь меня из головы.

Дрейк горько усмехнулся, а его рука с плеча скользнула на мою шею. Я хотела оттолкнуть его. Хотела выкрикнуть ещё хоть одно обвинение, чтобы удержать эту спасительную стену между ними. Но когда его большой палец стёр слезу с моей щеки, вся злость рассыпалась, как сухой песок под дождём.

— Выбросить из головы? — хрипло выдохнул он. — Куколка, я три года пытался вытравить твой запах из каждой клетки своего тела. Я ненавидел тебя за каждый день разлуки. Но стоило тебе переступить порог дома... стоило мне снова увидеть твой упрямый взгляд... всё рухнуло к чертям.

Я не успела даже вдохнуть, прежде чем его губы накрыли мои, и в этом не было ни просьбы, ни вопроса — только признание, что мы больше не можем притворяться. Он больше

не сдерживался.

Я попыталась слабо вздохнуть, но он углубил поцелуй, прижимая меня к себе так крепко, будто хотел вплавить в свое тело. Все обиды, весь страх, вся боль от долгого расставания растворились в огне этого объятия. Мои пальцы сами собой вцепились в его плечи, комкая ткань рубашки, а мир вокруг сузился до стука его сердца и жара его губ.

За окнами грохотал гром, раскалывая ночное небо, но в этом маленьком деревянном доме на холме рушился совсем другой мир — мир лжи, фальшивых ролей сводных брата и сестры и всех навязанных правил. Мы больше не бежали друг от друга. Буря наконец настигла обоих.

Глава 8. Дрейк

Серое, вымытое дождем рассветное небо заглядывало в невысокие окна деревянного коттеджа, окрашивая бревенчатые стены в холодный пепельный оттенок. Гроза выдохлась около четырех утра. Теперь снаружи царила тишина, нарушаемая лишь редкими каплями, срывающимися с тяжелых еловых лап на деревянный настил крыльца.

Я не спал ни минуты.

Всю ночь я лежал на узкой кровати, прижимая ее к себе, слушая ее ровное, глубокое дыхание и чувствуя, как ее пальцы во сне продолжают судорожно сжиматься, словно она боялась, что стоит ей разжать ладонь — и я снова исчезну, или, наоборот, она проснется в том самом проклятом особняке с пустым сердцем и холодными стенами.

Слоун спала, уткнувшись лбом мне в ключицу. Шерстяной плед сполз ей до талии, открывая гладкую, бледную кожу плеч и тонкую линию позвоночника. Ее темные волосы рассыпались по моей груди и руке, пахнущие древесным дымом и дождем.Я смотрел на ее длинные ресницы, отбрасывающие тени на бледные скулы, на чуть припухшие после наших поцелуев губы, и в груди ворочалось тяжелое чувство, которому я боялся дать имя.

Вчера ночью плотина рухнула. Все стены, которые я выстраивал между нами, весь этот спектакль с «суровым стар-

шим братом» и «холодным контролем» рассыпались в прах в ту секунду, когда я увидел слезы на ее щеках. Когда я коснулся ее губ, во мне не осталось ни капли того циничного ублюдка, которым меня привык видеть весь город. Был только я — парень, который три года назад потерял единственный свет в своей жизни и теперь готов был сжечь дотла весь мир, лишь бы удержать ее в своих руках.

Но рассвет всегда приносит трезвость. А с ней — беспощадный страх. Я осторожно, стараясь не разбудить ее, высвободил затекшую руку из-под ее головы, поправил сползший плед, укрывая ее до самого подбородка, и бесшумно поднялся.

На мне были только джинсы — мокрую рубашку я еще ночью повесил сушиться у остывающей печки. Босыми ногами я прошел на крошечную кухню, достал из кармана куртки телефон и посмотрел на экран. Сеть появилась. Пятнадцать пропущенных вызовов: восемь от матери, четыре от службы безопасности Артура и три с незнакомого номера, который принадлежал моему человеку в порту.

Я набрал сообщение матери первым делом:

«Дорогу размыло у каньона. Переждали шторм в университетском кампусе у знакомых. Слоун со мной, все в порядке. Будем через час».

Ложь слетала с пальцев слишком легко. Я привык лгать. Я привык лгать: матери — о том, чем на самом деле занимается её новый безупречный муж, Артуру — о своей преданно-

сти, самому себе — что смогу держать Слоун на расстоянии вытянутой руки.

Я подошел к окну, глядя на мокрый лес, и сжал челюсти так, что заныли скулы. Артур Вейн. Вчера Слоун сказала, что ее мать погибла не случайно. Она думала, что я пытаюсь ее запугать, когда вытаскивал из отцовского кабинета. Она не знала главного: я сам уже два месяца копаю под этот чертов авиарейс. И то, что я начал находить на закрытых счетах, заставляло кровь стынуть в жилах. Если Артур узнает, что его дочь сует нос в его архивы, отцовские чувства не остановят его ни на секунду. Для таких людей, как он, есть только две категории: полезные активы и устраняемые помехи.

Сзади послышался тихий шорох.

Я обернулся. Слоун сидела на кровати, плотно запахнув шерстяной плед вокруг плеч. Ее темные волосы были растрепаны, а в глазах, еще затуманенных сном, мгновенно вспыхнула настороженность, стоило ей увидеть меня стоящим у окна.

Утренняя реальность накрыла ее так же стремительно, как и меня. Я видел это по тому, как резко она выпрямила спину, как судорожно сжала пальцами края пледа, пытаясь закрыться от того, что произошло между нами несколько часов назад.

— Который час? — ее голос звучал тихо, чуть хрипло со сна.

— Половина седьмого, — ответил я, подходя к стулу у

печки и снимая с него почти высохшую рубашку. — Дорогу, скорее всего, уже расчистили. Нам нужно возвращаться в особняк до того, как проснется Артур. Если он узнает, что мы провели ночь вдвоем вне дома, вопросов будет слишком много.

Я натянул рубашку и начал застегивать пуговицы, намеренно не глядя на нее, хотя спинным мозгом чувствовал ее изучающий взгляд.

— Значит, всё возвращается на круги своя? — тихо спросила она. — Ночью ты говоришь, что не смог выбросить меня из головы, а утром снова включаешь режим надзирателя?

Я замер, так и не застегнув верхнюю пуговицу, и медленно повернулся к ней. Она сидела на краю, бледная, хрупкая и одновременно до безумия упрямая. В тусклом свете она выглядела так, будто готова снова вступить в бой, даже если у нее не осталось ни единого патрона.

Я подошел к ней, опустился на одно колено, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, и осторожно положил ладони поверх ее рук, сжимающих плед. Ее пальцы были ледяными.

— Посмотри на меня, Слоун, — произнес я тихо, заставляя ее поднять взгляд. — То, что было ночью, не было ошибкой. И я не собираюсь от этого отказываться. Но если ты прямо сейчас выйдешь из этого дома с таким лицом, будто между нами что-то изменилось, мы оба подпишем себе приговор.

— О чем ты говоришь? — нахмурилась она, не отнимая рук, но напрягаясь всем телом. — Мы взрослые люди, Дрейк. Мы не связаны кровью. Что такого страшного в том, что...

— Дело не в кровном родстве, куколка, — перебил я ее, понизив голос до шепота. — Дело в твоем отце. Артур следит за каждым шагом в этом доме. Если он поймет, что между нами есть хоть какая-то связь, кроме взаимной неприязни, он использует тебя как рычаг давления на меня. Или, что еще хуже, решит, что я перешел на твою сторону в твоих попытках раскопать правду о твоей матери.

В ее темных зрачках мелькнуло понимание, смешанное с тревогой.

— Ты... ты действительно веришь, что это было убийство? — прошептала она, подаваясь чуть вперед.

Я посмотрел ей прямо в глаза, взвешивая каждое слово. Я не мог рассказать ей всего — это подвергло бы ее опасности. Но лгать ей сейчас я тоже не мог.

— Я верю, что в мире Артура Вейна самолеты не падают просто так, — тихо ответил я. — И я уже занимаюсь этим. Но мне нужно время, Слоун. А тебе нужно оставаться в тени. На людях, перед родителями, в университете — ты должна продолжать ненавидеть меня. Должна огрызаться, держать дистанцию и делать вид, что я для тебя — худшее наказание в жизни.

Я провел большим пальцем по тыльной стороне ее ладони, чувствуя, как ее пульс снова начинает учащаться под моей

кожей.

— Сможешь сыграть эту роль?

Слоун молчала несколько секунд, вглядываясь в мое лицо, словно пытаясь прочитать то, что я прятал за каменной маской. Затем ее губы тронула слабая, горькая усмешка.

— Играть ненависть к тебе, Дрейк? — тихо произнесла она, осторожно высвобождая руки из-под моих ладоней и поднимаясь с кровати. — Поверь, мне даже не придется особенно напрягаться. Подай мою блузку. Нам пора домой.

Обратная дорога заняла сорок минут. Трассу действительно расчистили — на обочине еще мигали огни эвакуаторов, убирающих распиленные стволы деревьев, но проезд был свободен.

Мы ехали в молчании, но это была уже совсем другая тишина. Не та враждебная стена, что стояла между нами ранее. Каждый раз, когда я переключал передачу, мое плечо почти касалось ее локтя, и я видел, как она едва заметно вздрагивает, отворачиваясь к окну.

Когда машина въехал в кованые ворота поместья и затормозил у парадного крыльца, часы на приборной панели показывали без четверти восемь.

Двери особняка распахнулись еще до того, как мы успели подняться по ступеням. На пороге стояла моя мать — бледная, в шелковом халате, с чашкой остывшего чая в руках. Следом за ней вышел Артур, уже полностью одетый в безупречный серый костюм-тройку.

— Слава богу! — Эвелин бросилась вперед, сгребая в охапку сначала меня, а затем осторожно, боясь напугать, обнимая Слоун за плечи. — Я места себе не находила всю ночь! Связь пропала, новости передавали про обрыв линий у каньона... Вы совсем промокли?

— Всё в порядке, мам, — я мгновенно надел привычную маску ленивого равнодушия, засовывая руки в карманы джинсов и отступая на полшага назад. — Переждали грозу в старом кампусном корпусе. Правда, твоя новая падчерица всю ночь ныла, что там сквозит и пахнет пылью, так что выспаться мне не удалось.

Я бросил на Слоун короткий, язвительный взгляд, проверяя, как она отреагирует. Слоун не подвела. Она вскинула подбородок, стряхнула с плеча невидимую пылинку и посмотрела на меня с таким уничтожающим презрением, что я едва сдержал усмешку.

— Зато ты храпел так, что заглушал гром, Дрейк, — сухо парировала она, поворачиваясь к отцу. — Доброе утро, пап. Прости, что заставили волноваться. Я пойду приму душ и переоденусь перед парами.

Артур Вейн стоял на верхней ступеньке, внимательно переводя взгляд с меня на дочь. Его проницательные глаза на мгновение сузились, он сканировал нас на предмет лжи. В воздухе повисла напряженная пауза.

— Рад, что вы оба целы, — наконец произнес он. — Дрейк, зайди ко мне в кабинет через десять минут, прежде

чем поедете в университет. Нам нужно обсудить кое-какие детали по твоей стажировке.

— Конечно, Артур, — кивнул я спокойно.

Слоун молча прошла мимо него в холл и быстро поднялась по мраморной лестнице на второй этаж, ни разу не обернувшись.

Через десять минут я стоял в кабинете Артура Вейна. Отец Слоун стоял у панорамного окна, заложив руки за спину, и смотрел на умытый дождем парк. На его массивном письменном столе из красного дерева лежала тонкая синяя папка, которой вчера вечером здесь точно не было.

— Твоя мать очень привязалась к Слоун, — начал Артур, не оборачиваясь. Его голос звучал мягко, почти доверительно, но я слишком хорошо знал эту интонацию — так хищник разговаривает перед броском. — И я благодарен тебе за то, что ты присматриваешь за ней в университете. Вчера мне звонил декан. Сказал, что у тебя вышел небольшой конфликт с сыном сенатора Харпера из-за моей дочери.

— Маркус Харпер — избалованный щенок, который не понимает слова «нет». Если он еще раз подойдет к ней, я не ограничусь разговором.

Артур медленно повернулся. На его губах играла тонкая, холодная полуулыбка.

— Похвальное рвение, Дрейк. Семейные узы — это святое. Но мне бы не хотелось, чтобы твоя... опека переходила разумные границы. Слоун пережила тяжелую утрату. Она

уязвима, эмоциональна и склонна совершать глупости. Например, задавать лишние вопросы о прошлом своей матери.

Он подошел к столу, небрежно положил ладонь на синюю папку и посмотрел мне прямо в глаза.

— Я рассчитываю на твое благоразумие. Если заметишь, что она снова проявляет нездоровый интерес к моим делам или пытается связаться с людьми из прошлой жизни Элен... ты сразу сообщишь мне. Договорились?

Внутри всё похолодело. Он знал. Или, по крайней мере, догадывался, что Слоун не просто так вернулась в этот дом. И сейчас он открыто вербовал меня в надзиратели над ней, проверяя мою лояльность.

— Разумеется, Артур, — ответил я, глядя ему прямо в переносицу и не отводя взгляда. — Я сам заинтересован в том, чтобы в этом доме было тихо. Никто не сунет нос в твои бумаги. Даю слово.

— Отлично, — кивнул он, удовлетворенный моим ответом. — А теперь иди. Не заставляй сестру ждать.

Я вышел из кабинета и плотно притворил за собой тяжелую дверь.

Когда я спускался по лестнице в холл, где меня уже ждала Слоун в свежем черном костюме с собранными в тугой хвост волосами, в кармане моих джинсов вибрировал телефон. Я достал его на ходу, делая вид, что проверяю почту. На экране горело сообщение от моего человека из порта:

«Нашли черные ящики с частного борта Элен Вейн. Офи-

циально они сгорели при ударе. Неофициально — их выкупил за наличные человек из службы безопасности твоего отчима за два часа до приезда спасателей. Жду дальнейших указаний».

Я заблокировал экран и сунул телефон обратно в карман.У подножия лестницы Слоун подняла на меня свой колючий взгляд, всем видом показывая, как ей противно мое общество.

— Готов, братец? — бросила она громко, чтобы слышала горничная, протирающая зеркало в холле. — Или ты еще полчаса будешь любоваться собой в отражении?

Я подошел к ней вплотную, наклонился так, словно собирался шепнуть очередную язвительную гадость, и едва слышно, одними губами произнес так, чтобы слышала только она:

— Игра началась, куколка. Держись рядом со мной и никому не верь в этом доме. Даже мне, если при тебе будут другие люди.

Она замерла на долю секунды, в ее темных зрачках мелькнуло понимание, а затем она снова надела свою неприступную маску, резко развернулась и первой шагнула к выходной двери.

Я пошел следом, точно зная одно: теперь, чтобы защитить ее, мне придется стать еще более безжалостным, чем сам Артур Вейн.

Глава 9. Дрейк

«Настоящие монстры не носят рога и клыки — они надевают костюмы, руководят корпорациями и нежно целуют своих жён перед сном.Но чтобы победить такого монстра, ты должен стать для него ещё большим кошмаром.Даже если для этого придётся выжечь дотла всё то живое, что оставалось в твоём собственном сердце.Даже если для этого придётся заставить её ненавидеть тебя до конца дней».

Флешка из темного металла казалась невыносимо тяжелой, хотя весила не больше тридцати граммов.

Я сидел за рулем «Порше», паркуясь в глубокой тени под густыми кронами старых дубов, в ста метрах от восточных ворот поместья Вейна. Двигатель был заглушен, в салоне царил полумрак, а на экране ноутбука, стоящего на пассажирском сиденье, застыли строчки цифрового отчета. Это были не просто расшифровки с «черных ящиков» рейса Элен Вейн. Это был смертный приговор.

Сводки системной телеметрии не врут. В девять часов сорок минут вечера, за пятнадцать минут до того, как самолет вошел в зону ущелья, в системе подачи топлива левого двигателя сработал автономный клапан. Не аварийный. Не бракованный. Модифицированный сервопривод, управляемый по шине цифрового сигнала — той самой, схему которой три месяца назад утвердил департамент логистики «Вейн Ин-

дастриз».

Эта мразь не просто убрал бывшую жену. Он сделал это с аптекарской точностью, списав всё на сложные метеоусловия и заставив экспертов подписать нужные акты. А синяя папка, которую я видел у него на столе утром, была не отчетом о стажировке. Это была справка из частного агентства: Артур уже знал, что Слоун ищет следы. Он знал, что дочь начинает задавать лишние вопросы.

В его системе координат Слоун перешла из разряда «полезного актива», с помощью которого можно контролировать городскую элиту, в категорию «системной ошибки». А ошибки Артур устранял быстро.

Я закрыл крышку ноутбука. В тишине машины звук щелчка прозвучал как выстрел. Тогда ночью я пообещал ей, что не отдам её в руки Артура. Я целовал её губы, слушал её дыхание и верил, что мы сможем выстроить тонкую грань: быть врагами на публике и искать правду вдвоем.

Какая наивная, смертельно опасная дурость.

Слоун не умела притворяться. Каждое ее движение, каждый вздрагивающий мускул на бледном лице, каждый упрямый взгляд в сторону Артура выдавали ее с головой. Она была слишком живой. Слишком чистой для этой грязи. Если она продолжит шагать по этой минной полосе рядом со мной, Артур сотрет ее в порошок до конца недели — и я даже не успею подставить плечо.

Единственный способ сохранить ей жизнь — это заста-

вить ее бежать.

Выгнать. Выжечь дотла любые воспоминания о том теплоте, что случилась между нами во время бури. Сделать так, чтобы она возненавидела меня сильнее, чем три года назад. Чтобы она собрала вещи, прокляла мое имя и уехала на другой край страны, подальше от этого проклятого особняка и от меня.

Я достал из кармана куртки маску. Не пластиковую, а невидимку из холодного рассудка, жестокости и сарказма.

Пришло время снова стать монстром.

Я вошел в особняк через боковую дверь гаража, миновав главную гостиную. В холле царила привычная роскошь: запах белых пионов, тяжелые хрустальные люстры и тихий, размеренный стук часов. Мама уехала в консерваторию, Артур задерживался на заседании совета директоров. Дом был почти пуст — если не считать прислуги, затаившейся на нижнем этаже.

Я поднялся по лестнице на второй этаж, ступая абсолютно бесшумно. Мои шаги тонули в глубоком ворсе ковра. Слоун была у себя в спальне. Я остановился у ее двери, прислушиваясь. Изнутри доносился легкий шорох бумаги и тихий стук клавиш ноутбука. Она не отдыхала. Она снова копала. Снова искала путь на виселицу.

Я не стал стучать. Я просто нажал на бронзовую ручку и резко толкнул дверь от себя.

Слоун сидела за письменным столом у окна. На ней был

простой домашний свитер оверсайз, спадающий с одного плеча, и узкие джинсы. Волосы растрепались, на носу сидели тонкие очки для чтения, которые она носила только наедине с собой. При звуке открывающейся двери она вздрогнула, резко захлопнув крышку ноутбука, и подняла на меня глаза. В первую секунду в ее темных зрачках промелькнуло то самое тепло, которое расцвело между нами ночью — надежда, капля доверия, тихое узнавание.

— Дрейк? — тихо спросила она, снимая очки. — Ты почему без стука? Что-то случилось?

— Замолчи, — отрезал я.

Мой голос прозвучал как удар стального кнута по голому дереву. Ледяной. Отстраненный. Без единой человеческой интонации. Слоун замерла. Тепло в ее глазах мгновенно сменилось недоумением. Она медленно поднялась из-за стола, натягивая край свитера на пальцы.

— Что с тобой? Разве Артур...

— Я сказал: замолчи, — повторил я, делая три широких шага вперед и сокращая дистанцию.

Я встал напротив — огромный, чужой, отгораживающий ее от света лампы. Я расправил плечи, нависая над ней всей своей массой, и скрестил руки на груди. Взгляд я сделал абсолютно пустым.

— Дрейк, ты с ума сошел? — в ее голосе прорезались первые искры ярости. — Что за тон?! Мы же утром договорились...

— Утром я совершил ошибку, — перебил я ее, не дав договорить ни слова. — Я позволил тебе подумать, будто твои детские слезы и парочка трогательных воспоминаний могут изменить реальное положение вещей.

Каждое слово я выплевывал медленно, с легкой, едва заметной насмешкой на губах. Я видел, как от этих слов с ее лица начинает сползать краска.

— О чем ты говоришь? — прошептала она.

— О твоем упрямом, недалеком поведении, Слоун, — протянул я, делая шаг ближе и вынуждая ее отступить до самого подоконника. — Ты правда решила, что если я поцеловал тебя, то теперь я стану твоим верным рыцарем? Что мы вместе пойдем воевать против твоего отца с деревянными мечами?

Я хмыкнул, качая головой с искренним, как мне удалось изобразить, сожалением.

— Какая же ты наивная провинциалка.

Слоун задохнулась. Ее щеки вспыхнули алым пламенем, а пальцы сжались в кулаки.

— Ты... ты притворялся? Всё то, что ты говорил ночью... про то, что не мог вытравить мой запах...

— Я говорил то, что ты хотела услышать, чтобы ты наконец перестала истерить и дала мне выспаться! — жестко отрезал я, наступая на нее еще сильнее. Мое лицо находилось в десятке сантиметров от ее лица, но в моих глазах не было ни искры прежнего огня. Только отталкивающая стужа. —

Мне нужна была спокойная ночь. А ты была готова уцепиться за любую сказку, лишь бы не чувствовать себя одинокой сиротой.

Пощечина была сильной.

Ее ладонь со свистом рассекла воздух и с сухим треском врезалась мне в щеку. Мою голову чуть повело в сторону. Кожу обожгло пламенем, но я даже не моргнул. Я лишь медленно повернул лицо обратно, глядя на нее сверху вниз с ленивым презрением.

— Это всё, на что ты способна? — шепнул я. — Слабовато для дочери Артура Вейна.

— Ты тварь, — выдохнула Слоун. В ее глазах стояли слезы — не от страха, а от боли и предательства. — Ты самая последняя, мерзкая тварь, Дрейк. Зачем ты это делаешь? Зачем?!

— За тем, куколка, что мне нравится тебя изводить, но надоел этот цирк, — мой голос стал тихим и опасным, как шипение змеи. — Слушай меня сюда. И слушай очень внимательно, потому что повторять я не буду.

Я протянул руку и схватил ее за подбородок, зажимая ее скулы пальцами и заставляя смотреть прямо в мои глаза. Я видел, как отвратительно ей мое прикосновение, как она пытается вырваться.

— Твоя игра в детектива закончена, — произнес я, чеканя каждое слово. — С этого секунды ты зарываешь свой любопытный нос на самую глубину. Ты не открываешь ноутбук

для поиска сведений. Ты не ходишь в кабинет Артура. Ты не общаешься ни с кем за пределами учебных аудиторий. Ты вообще не дышишь без моего разрешения.

— Пошел ты! — прошипела она, пыталась пнуть меня по голени, но я легко заблокировал ее движение коленом, прижав её к подоконнику еще сильнее.

— Это ультиматум, Слоун, — продолжил я, не ослабляя давления. — Если я замечу хотя бы еще один шаг в сторону от расписания... Если ты еще раз попытаешься копать под бизнес Вейна или хоть словом обмолвишься кому-то из посторонних... Я лично отдам твои «наработки» Артуру.

Она застыла. Выражение её лица изменилось — от ярости к абсолютному шоку.

— Ты... ты отдашь меня отцу?

— С большим удовольствием, — оскалился я в фальшивой улыбке.

— Ты думаешь, я буду рисковать своим положением в этом доме, своими деньгами и своей будущей долей в компании ради твоих детских обид? Артур Вейн дает моей матери роскошь, а мне — власть. Ты для меня — просто досадный шум, который мешает работать. И если ты не заткнешься сама, я сделаю так, что Артур отправит тебя в закрытую психиатрическую клинику в Европе доживать свои дни под седативными. Поверь, у него хватит связей. И у меня тоже.

Она смотрела на меня и, казалось, впервые за всё время действительно поверила, что перед ней стоит монстр. Тот са-

мый тиран, которым меня считали в университете. Тот, кто способен растоптать любое живое чувство ради собственной выгоды. Ее губы задрожали. Она перестала вырываться. Ее тело обмякло в моих руках, словно из нее выдернули стержень.

— Я ненавижу тебя, — прошептала она. Голос был тонким, разбитым на тысячи мелких осколков. — Я ненавижу день, когда мы познакомились. Я ненавижу этот дом.

— Замечательно, — я медленно разжал пальцы, отпуская ее подбородок. На её бледной коже остались четкие красные следы от моих пальцев. — Ненависть — отличный стимулятор для здравого смысла. Держись от меня и моих дел подальше. В университете ходи у стены. На обедах улыбайся Эвелин. И не смей подходить ко мне ближе, чем на пять метров, если вокруг нет родителей.

Я шаг за шагом отступил к двери, возвращая на лицо маску абсолютного равнодушия.

— Завтра в восемь утра я жду тебя в машине. Если опоздаешь на минуту — поедешь на автобусе. Поняла?

Слоун ничего не ответила. Она стояла у окна, прижав руку к губам, и смотрела в пол. По её щеке катилась одна-единственная слеза, но она даже не пыталась ее стереть.

Я развернулся, вышел из комнаты и с тихим щелчком притворил за собой дверь. Я успел дойти до конца коридора, прежде чем ноги подкосились. Я завернул за угол восточного крыла, в глухой, не просматриваемый камерами тупик, и

рухнул спиной на стену.

Воздуха не было. В легких застряли битые стекла. Я согнулся пополам, упершись ладонями в колени, и судорожно попытался сделать вдох. Спина намокла от пота. Пальцы, которыми я только что сжимал ее лицо, крупно дрожали.

Я сделал это. Я сокрушил ее.

Я сокрушил её. Уничтожил ту единственную нить надежды, которая ещё связывала её с этим миром. Растоптал доверие, выбросил её чувства на помойку — и заставил поверить, что я её враг. В ушах всё ещё стоял её надломленный шёпот, въевшийся в сознание, как заноза:

«Ты самая последняя, мерзкая тварь, Дрейк».

Я закрыл глаза и со всей силы ударил затылком о деревянную панель стенки. Боль в затылке на секунду глушила эту разрывающую изнутри муку.

«Так надо, — твердил я себе, как проклятую молитву. — Так надо. Пусть лучше она ненавидит тебя. Пусть считает тварью. Пусть соберет вещи и сбежит. Главное — она будет жить».

Я поднял руку и посмотрел на свои пальцы. На них все еще витал едва уловимый запах её духов.

Внизу, в холле, послышался шум открывающейся парадной двери и уверенный голос Артура, отдающего приказания водителю. Игра вступила в свою самую кровавую фазу. И в этой игре я был готов сгореть дотла первым — лишь бы её согретый этим огнем силуэт смог вырваться на свободу.

Глава 10. Слоун

Тьма в комнате была тяжелой, густой и пахла болезнью. Я лежала на спине, вжимаясь затылком в шёлковые подушки, но не ощущала мягкости. Каждая клетка тела горела, будто кровь превратилась в расплавленное стекло. Жар пришел ближе к полуночи.

Стресс не просто подкосил меня. Он дождался, пока я останусь одна, и нанес один уничтожающий удар.

В голове по кругу прокручивался жестокий ультиматум Дрейка. Его пальцы, железным капканом зажавшие мой подбородок. Его янтарные глаза, пустые, ледяные, выжегшие во мне всю надежду, которая родилась прошлой ночью во время грозы.

«Ты для меня — просто досадный шум, который мешает работать». «Ты была готова уцепиться за любую сказку...»

Каждое его слово отзывалось в висках молотом. Я пыталась дышать глубоко, но легкие отказывались принимать воздух. Воздух этого дома всегда казался мне ядовитым. А потом пришли призраки.

Когда температура перевалила за тридцать девять, реальность размылась, уступив место лихорадочному бреду. Прошлое, от которого мы с матерью бежали, вырвалось из запертых глубин памяти.

…Мне четырнадцать. Я стою на вершине широкой лест-

ницы дома, сжимая в кулаке перила. Внизу, за массивными дубовыми дверями кабинета Артура, гремит его голос. Не громкий крик — Артур никогда не опускался до банального ора. Его голос звучит низко, сдержанно, отчеканивая каждое слово. А затем раздается звук. Хлесткий - пощечина. Следом — тяжелый - падение тела на паркет и тихий стон матери…

— Папа, не надо! — хочу закричать я, но горло забито пылью. Я не могу вымолвить ни звука.

…Картина меняется. Мне шестнадцать. Мама сидит передо мной в спальне, пытаясь нанести плотный слой тонального крема на левую скулу. Её пальцы дрожат. Под слоем бежевой пудры все равно просвечивает ужасный, багрово-фиолетовый синяк, расплывающийся к самому глазу. Она смотрит на меня сквозь слезы, но старается улыбаться — этой жуткой, сломанной улыбкой.

«Всё хорошо, Слоун. Я просто оступилась на лестнице. Отец не виноват, он просто устал на работе…»

Ложь. Всё её существование в этом доме было сплошной ложью, вымощенной страхом перед человеком, который носил безупречные костюмы и жертвовал миллионы на благотворительность, а по вечерам превращал жизнь жены в ад…

— Мама… — выдохнула я в душную темноту спальни. С губ слетел лишь сухой, невнятный шепот.

Жар усилился. Кожа горела так, словно я находилась внутри сгоревшего самолета. В ушах зашумел рев пламени. По-

толок комнаты медленно поплыл, превращаясь в бесконечную черную бездну.

…И снова то проклятое утро три года назад. Дождь за окном машины. Мама судорожно сжимает мою ладонь. На её шее — следы от пальцев Артура, которые она прячет под высоким воротником свитера. Она оглядывается назад, словно ожидая погони.

«Слоун, слушай меня внимательно, — твердит она, и её голос ломается от ужаса. — Мы не можем доверять Дрейку. Слышишь меня? Ни в коем случае! Он продался Артуру. Он работает на него, он сливает ему каждый наш шаг! Твой Дрейк… он предал нас. Если ты вернешься к нему, он отдаст тебя твоему отцу…»

— Нет… Дрейк, нет… — стонала я, метаясь по мокрой от пота простыне. — Зачем ты это сделал?.. Зачем?..

Память подкидывала воспоминания о его жестоких гадостях, которые он выплюнул мне в лицо прямо перед нашим побегом.

«Ты мне надоела, Слоун. Маленькая, наивная дура. Думала, я правда тебя люблю? Ты просто удобная игрушка. Проваливай вместе со своей сумасшедшей матерью».

Тогда я поверила. Поверила матери, поверила его ядовитым словам, сбежала, выжигая его имя из сердца… А теперь я снова была здесь. В его клетке.

Внезапно сквозь пелену бреда и жара я ощутила прикосновение.Кто-то мягко, но уверенно коснулся моего лба. Про-

хлада. Невероятная, спасительная прохлада мокрой ткани. Я судорожно вздохнула, приоткрывая припухшие веки.

В полумраке спальной комнаты, освещенной лишь тусклым светом ночника, стоял силуэт.

Дрейк.

Он в черной футболке. Черты его лица в полумраке казались высеченными из гранита, но в них не было утренней ледяной маски. Его глаза — темный, мутный янтарь — смотрели на меня с невыносимой болью и тревожной нежностью, что у меня перехватило дыхание.

Он осторожно отжал влажное полотенце и снова положил его мне на лоб. Его пальцы скользнули вниз, касаясь моей щеки. В этом прикосновении не было жестокости. Не было собственнического гнева. Только отчаянная забота.

— Дрейк… — бредила я, не в силах отличить сон от реальности. — Почему… почему ты так со мной?..

Он не ответил. Лишь опустился на край кровати, наклоняясь ниже. Его дыхание обожгло мою шею. Он взял мою слабую ладонь в свои широкие ладони и крепко переплел наши пальцы.

— Тише, куколка, — едва слышно, одним лишь дыханием произнес он. Голос звучал надломленно, хрипло, будто он не разговаривал вечность. — Молчи. Просто спи.

Его пальцы сжимали мою руку так сильно, словно он пытался удержать меня на этом свете, не дав утянуть в бездну лихорадки. Я чувствовала невероятное тепло его тела, слы-

шала бешеный, рваный стук его сердца. В бреду мне казалось, что это сон. Что мой прежний Дрейк — тот, который любил меня три года назад, — вернулся, чтобы защитить от кошмаров.

— Ты предатель… — прошептала я, но пальцы мои инстинктивно сжались в ответ, цепляясь за его ладонь, как за единственный спасательный круг.

— Знаю, — прохрипел он в темноту, опустив голову и прижавшись лбом к нашим сцепленным рукам. — Я знаю, Слоун. Ненавидь меня. Только живи.

Прохладный компресс на лбу, нежные касания его свободной руки, заправлявшей мокрые пряди волос мне за уши, и эта крепкая, непрерывная хватка заставили кошмары отступить. Боль утихла. Багровые синяки матери растворились в темноте. Я погрузилась в глубокий сон без сновидений, чувствуя, как его ладонь держит мою всю ночь напролет.

Когда я открыла глаза, в окна спальни уже бился серый, промозглый рассвет. Головная боль осталась, но жар спал. Легкие больше не горели при каждом вдохе, хотя во всем теле ощущалась разбитость и тяжесть, будто по мне проехался грузовик.

Я медленно повернула голову. На краю кровати никого не было. Моя рука лежала на замятом покрывале — пустая и холодная. В комнате царила тишина. На тумбочке у изголовья стоял стакан с водой, таблетки и тазик с водой, в котором

плавало свернутое полотенце.

«Значит, это был сон», — с тоской подумала я, зажмурившись от укола разочарования. Конечно, сон. Дрейк скорее дал бы мне сгореть от лихорадки, чем просидел бы у моей постели хоть десять минут после всего.

Дверь спальни тихо поскрипела и отворилась. Я напряглась, ожидания увидеть силуэт Дрейка, но в комнату бесшумно вошла Эвелин. На ней был мягкий домашний кардиган цвета слоновой кости, волосы аккуратно уложены. В руках она держала поднос, от которого поднимался аппетитный пар с ароматом куриного бульона, зелени и свежего хлеба. Заметив, что я бодрствую, ее лицо мгновенно озарилось искренней, теплой улыбкой.

— Ох, Слоун! Ты проснулась! — тихо, чтобы не испугать, произнесла она и поспешно поставила поднос на столик. — Слава богу… Как ты себя чувствуешь, милая?

Она подошла к кровати и с материнской нежностью приложила тыльную сторону ладони к моему лбу. Ее рука пахла дорогим кремом, ванилью и чем-то очень уютным.

— Температура спала, слава небесам, — вздохнула Эвелин с явным облегчением. — Ночью ты горела как в огне. Я так перепугалась, хотела вызывать врача из клиники Артура, но…

— Не нужно врача, — прочистив сухое горло, выдавила я. Голос звучал глухо. — Мне уже лучше. Спасибо, Эвелин.

— Не за что спасибо говорить, глупенькая, — она присела

на край стула и аккуратно поправила мне одеяло. — Ты пережила такой кошмар… Потеря матери — это страшная рана, Слоун. А тут еще этот переезд, новый университет, нагрузки… Твой организм просто не выдержал. Тебе нужен покой и забота.

Я смотрела на мачеху, и внутри меня всё сжималось от странного чувства.

Эвелин была невероятно доброй женщиной. Она искренне опекала меня все эти дни — приносила чай, оставляла журналы, беспокоилась о моем аппетите. Она искренне любила своего сына и, судя по всему, искренне верила, что вышла замуж за благородного, сильного и заботливого мужчину.

Она ничего не знала.

Она не знала, что её «безупречный» муж Артур Вейн годы избивал мою мать. Не знала про багровые синяки, про сломанные ребра, про тонны тонального крема, которыми мама маскировала следы отцовской «любви». Эвелин жила в иллюзии красивого особняка, не догадываясь, что ходит по полу, под которым похоронены чужие слезы и кровь.

— Я принесла тебе свежий бульон, — ласково сказала Эвелин, наливая прозрачный бульон из небольшого фарфорового соусника в пиалу. — Попробуй съесть хотя бы пару ложек. Тебе нужны силы. Артур сегодня уехал на утреннюю встречу с инвесторами, так что в доме тихо. Никто не будет тебя беспокоить.

— Спасибо, — тихо повторила я, заставляя себя приподняться на подушках.

Эвелин подала мне пиалу, внимательно наблюдая, как я делаю первый глоток. Горячая жидкость приятным теплом разошлась по пищеводу, возвращая чувство реальности.

— Знаешь, Слоун… — заговорила Эвелин, чуть помешкав. Она смотрела на свои руки, на которых тускло тускнело то самое бриллиантовое кольцо. — Я знаю, что между тобой и Дрейком сейчас не всё гладко. Он у меня… сложный парень. После смерти его отца он сильно закрылся в себе, стал жестким, резким. А уж когда Артур взял его в бизнес… Дрейк стал совсем холодным. Но поверь мне, у него доброе сердце. Вчера ночью, когда я заходила проверить тебя…

Я замерла с ложкой в руке. Сердце пропустило удар.

— Что… что вчера ночью?

Эвелин мягко улыбнулась, качая головой.

— Он сидел прямо здесь, на этом стуле. Я хотела принести мокрое полотенце, но он отобрал его у меня, сказал, что сам проследит за твоей температурой. Он просидел у твоей постели до самого рассвета, Слоун. Менял компрессы, держал тебя за руку, когда ты бредила… Он ушел к себе только часов в шесть утра, когда убедился, что жар спал.

Воздух застрял у меня в груди.

Значит… это был не сон. Это не лихорадочный бред нарисовал мне прохладу его рук и судорожную хватку пальцев. Это действительно был Дрейк. Тот самый Дрейк, который

ранее зажимал мой подбородок и угрожал отдать меня отцу, если я не прекращу расследование. Тот самый Дрейк, который утверждал, что я для него — лишь «досадный шум».

Зачем? Зачем играть в тирана, а потом ночью бессонно сидеть у моей кровати, спасая от бреда?

— Он просто… чувствует ответственность, — быстро сгладила паузу Эвелин, замечая мое замешательство. — Вы ведь теперь семья. Хоть вы и пытаетесь изображать взаимную неприязнь, я же вижу, что вы переживаете друг за друга. Постарайся не судить его строго, Слоун. Ему тоже нелегко.

Я молча кивнула, не в силах вымолвить ни слова. В голове бушевал ураган. Эвелин побыла со мной еще полчаса. Она проследила, чтобы я допила бульон, поправила мне одеяло и ушла, пообещав заглянуть после полудня.

Едва дверь за ней закрылась, я спустила ноги с кровати. Голова слегка закружилась, но я упрямо поднялась на ноги. Мне нужно было увидеть его. Мне нужно было посмотреть в его глаза прямо сейчас и спросить — спросить, какая из его масок настоящая.

Я накинула на плечи длинный тёплый халат, натянула домашние мягкие тапочки и выскользнула из спальни. В коридоре царил полумрак. Я шла бесшумно, придерживаясь рукой за стену, пока не дошла до комнаты Дрейка. Его дверь была слегка приоткрыта. Я остановилась у проема, затаив дыхание.

Дрейк стоял у высокого зеркала во весь рост. Он уже был

полностью одет для университета: строгие темные джинсы, черная водолазка, идеально сидящий темный пиджак. Воротник скрывал его шею, но под глазами залегли тени от бессонной ночи. В руках он крутил ключи от машины.Он выглядел собранным, идеальным, опасным. И абсолютно чужим. Я сделала шаг вперед, ступив на порог его спальни.

— Дрейк…

Он резко повернул голову. На долю секунды — лишь на один короткий миг — в его зрачках промелькнуло то самое выражение из ночного бреда: тревога, усталость и болезненная нежность. Он оглядел меня с ног до головы, фиксируя мою бледность, растрепанные волосы и дрожащие коленки.

Но в следующую секунду броня мгновенно схлопнулась обратно. Словно щелкнул выключатель. Черты его лица заострились, глаза покрылись коркой ледяного равнодушия, а губы искривились в привычной, ядовитой ухмылке.

— Ого, — лениво протянул он, отворачиваясь к зеркалу и поправляя манжеты пиджака. — Наша тяжелобольная решила встать с одра? Какое мужество. Тебе Эвелин приказала прийти и сказать мне «спасибо» за спасение твоей упрямой жизни.

Каждое его слово было пропитано такой нарочитой отстраненностью, что я поневоле отступила на шаг назад.

— Эвелин сказала, что ты сидел у меня всю ночь, — тихо произнесла я, всматриваясь в его профиль. — Зачем, Дрейк? Вчера ты говорил, что я для тебя ничто. Что тебе плевать.

Почему ты не оставил меня?

Дрейк медленно повернулся ко мне. Он засунул руки в карманы брюк и посмотрел на меня сверху вниз — так, словно перед ним стояла назойливая муха.

— Затем, куколка, что если бы ты скопытилась от банальной лихорадки в этом доме, твой дорогой папочка вынес бы мозг моей матери, — жестко отрезал он. — А у меня нет времени на семейные драмы и похороны. Я просто выполнил минимальную санитарную норму, чтобы ты не загнулась. Не строй иллюзий.

— Ты держишь меня за дуру? — сорвалась я на шепот. Голос дрогнул от обиды. — Я помню, как ты держал мою руку! Помню, как ты смотрел! Ты не притворялся, Дрейк!

Он сделал быстрый шаг вперед, сокращая расстояние, и навис надо мной. Его лицо снова превратилось в каменную маску тирана, от которой веяло смертельным холодом.

— Я повторяю последний раз, Слоун, — процедил он сквозь зубы, наклоняясь к моему уху. — Не ищи во мне то, чего там давно нет. Я сделал то, что должен был сделать, чтобы в доме было тихо. На этом моя забота окончена. Ты сидишь в спальне, лечишься, и как только встанешь на ноги — возвращаешься к нашему уговор. От меня — на расстоянии вытянутой руки. Поняла?

Я смотрела в его глаза и чувствовала, как внутри меня окончательно ломается что-то очень важное. Трещина в его броне, которую я уловила ночью, снова затянулась монолит-

ным бетоном. Он опять воздвиг стены. Высокие, непробиваемые, за которыми прятался человек, которого я когда-то знала.

— Поняла, — выдохнула я, вскидывая подбородок и стараясь не дать слезам выкатиться из глаз. — Отлично поняла, Дрейк.

Я развернулась и, не оглядываясь, пошла по коридору обратно в свою комнату. Я шла, чувствуя спиной его взгляд, и точно знала одно: этот дом превращается в поле битвы. И как бы сильно он ни пытался оттолкнуть меня своей жестокостью, я больше не поверю в его маску. За ней скрывалась тайна. Тайна, ради которой он готов был казаться монстром. И я докопаюсь до нее — честно или нет.

Глава 11. Дрейк

«Предел — это не когда у тебя кончаются силы. Предел — это когда ты продолжаешь дышать, зная, что каждый следующий вдох выжигает твои легкие дотла.Я мог сносить пытки, бессонные ночи, пули и ледяные взгляды Артура. Но видеть ее в этом доме, бледную, сломанную, сгорающую от воспоминаний и лихорадки — это была пытка, к которой меня жизнь не готовила.Я обещал защитить ее. Но чтобы защитить, мне приходилось каждый день всаживать нож ей в сердце».

Мои пальцы сжимали руль «Порше» с такой силой, что кожа на костяшках натянулась до треска. В висках стучала тупая боль — следствие бесконечных сигарет и той адовой ночи, которую я провел у ее постели. Я не спал. Я сидел на стуле в её спальне, слушал её сбивчивый, горячечный бред и чувствовал, как во мне все рушится.

Она стонала во сне. Она звала мать. Она шептала мое имя, умоляя сказать, зачем я с ней так поступаю. А я просто держал ее за руку, прижимался лбом к ее пальцам и молчал. Потому что если бы я заговорил, я бы выложил ей всю правду. И эта правда убила бы ее быстрее, чем жаропонижающий укол.

А утром мне снова пришлось надеть маску.

Пришлось нахамить, выплюнуть в лицо очередную порцию яда, высмеять ее надежду и уйти, чувствуя себя послед-

ним слизняком на этой земле.

Я вернулся в особняк ближе к десяти вечера. Дом встретил меня тишиной. Артур уехал на закрытый ужин с чиновниками из министерства транспорта, мать спала у себя после приема успокоительного. Я поднимался по лестнице, на ходу ослабляя галстук и мечтая только об одном — дойти до своей спальни, налить полстакана виски и залить этот огонь в груди.

Но стоило мне свернуть в полутемный коридор, как я замер.

Она стояла у окна.

Слоун была в легком домашнем платье из темного шелка, поверх которого накинула трикотажный кардиган. Волосы были небрежно собраны на затылке, открывая длинную, тонкую шею. Она выглядела все еще бледной, хрупкой, но лихорадочный блеск в глазах уступил место упрямому, темному огню.

При звуке моих шагов она резко повернулась.

— Находилась? — процедил я, останавливаясь в трех шагах и натягивая на лицо привычную ленивую ухмылку, хотя внутри всё сжалось в ледяной ком. — Я думал, врач прописал тебе постельный режим, сестренка. Или ты решила проверить, насколько хорошо я держу слово о «пяти метрах дистанции»?

— Заткнись, Дрейк, — ее голос прозвучал тихо, но в нем было столько ярости, что воздух между нами мгновенно на-

тянулся. — Просто заткнись. Хватит этой дешевой комедии.

— Комедии? — я сделал шаг вперед, закладывая руки в карманы брюк и нависая над ней. — Ты ошибаешься, Слоун. Это не комедия. Это твоя новая реальность. И если ты не вернешься в спальню…

— Я всё помню! — выкрикнула она, сделав шаг мне навстречу.Ее грудь часто вздымалась под тонкой тканью. Она подступила ко мне вплотную, не боясь, не отступая, вызовом глядя прямо в мои глаза.

— Я помню каждую гадость, которую ты выплюнул мне в лицо не только вчера, но и три года назад! — ее голос дрожал от сдерживаемых слез и боли. — Помню, как ты назвал меня дурой и сказал, что я просто удобная игрушка! А перед самым нашим побегом… перед тем, как мы сели в машину, мама сказала мне правду. Она сказала, что ты продался Артуру! Что ты сдал нас ему, что ты работаешь на него и сливаешь каждый наш шаг!

«Если бы ты знала, куколка… Если бы ты только знала, что твоя мама сама умоляла меня сделать это. Что она рыдала у меня на груди, прося выбросить тебя из моей жизни, чтобы Артур не добрался до тебя…»

— Твоя мать была в отчаянии, Слоун, — выдохнул я хрипло, стараясь держаться холодно, хотя внутри все горело. — Она искала виноватых везде, где только могла.

— Нет! Она знала, кто ты такой! — Слоун ткнула пальцем мне в грудь. Прикосновение прожгло ткань рубашки. —

И ты подтверждаешь это каждый день! Ты издеваешься надо мной, ты угрожаешь мне клиникой, ты нацепляешь эту мерзкую ухмылку… А ночью сидишь у моей кровати и держишь за руку, будто я для тебя всё еще что-то значу! Кто ты, Дрейк?! Настоящий монстр или трус, который боится собственного отчима?!

Это было последней каплей.

Мои тормоза сорвались с треском, эхо которого, казалось, пронеслось по всему коридору. Я перехватил её запястье, рывком подтянул к себе и, не давая ей времени вдохнуть, впечатал спиной в деревянные панели. Дерево отозвалось глухим стуком, как удар сердца в тишине коридора. Я прижался к ней всем телом, чувствуя, как она вскрикнула от неожиданности, как взвился её пульс под моей ладонью.

— Трус?! — рыкнул я ей прямо в губы. Мой голос сорвался на глухое, звериное рычание. — Ты называешь меня трусом, Слоун?! Ты понятия не имеешь, через какой ад я прохожу каждый день, чтобы твоя упрямая голова всё еще держалась на плечах! Ты не знаешь ни черта о том, что происходило в этом доме!

— Так расскажи мне! — выдохнула она, пытаясь вырвать руку из моей хватки, но ее тело уже предавало ее, прижимаясь к моему в порыве тоски. — Перестань врать! Перестань притворяться!

— Ты хочешь правду?! — я наклонился еще ниже, так что наши губы разделяли миллиметры. В ее темных зрачках от-

ражалось мое безумие. — Правда в том, что я ненавижу себя за каждый день без тебя. Правда в том, что три года я сдыхал от мысли, что ты касаешься кого-то другого! И правда в том… что я сойду с ума, если ты прямо сейчас не замолчишь.

Ее дыхание обожгло мои губы. В ее глазах был дикий, неконтролируемый огонь, такой же, как у меня. Слоун перестала вырываться. Ее пальцы, секунду назад сжатые в кулак, распрямились и судорожно вцепились в отвороты моего пиджака, притягивая меня еще ближе.

Мы были на грани.

Один миллиметр.

Один вдох.

Все стены, все правила, весь этот бред с «сводными родственниками» рушился в прах. Я уже чувствовал мягкость ее приоткрытых губ, уже готов был проклясть весь мир и забрать её прямо здесь, на полу этого коридора…

В кармане моего пиджака взрывалась резкая вибрация.

Слоун вздрогнула, замирая. Я застыл, уткнувшись лбом в ее лбу, судорожно хватая ртом воздух и пытаясь заставить сердце биться ровнее. Вибрация не прекращалась. Настойчивая. Ритмичная.

— Дрейк… — тихо, почти с мольбой выдохнула Слоун.

Я закрыл глаза, на секунду вжимаясь губами в ее висок, а затем медленно отступил на шаг, разомкнув хватку. Холод коридора мгновенно встал между нами. Я достал телефон. На экране горел незнакомый номер с префиксом закрытой

сети. Я провел пальцем по экрану и прижал трубку к уху, не отводя взгляда от Слоун.

— Говори, — бросил я сухо.

Из динамика донесся голос моего человека. В фоне слышался шумы портовых кранов и далекие сирены.

— Дрейк, у нас катастрофа, — голос заикался от затаенного ужаса. — Колина нашли десять минут назад в третьем доке.

У меня внутри всё заледенело. Колин был моим лучшим информатором, парнем, который помогал выкупать записи и следил за закрытыми терминалами Вейна.

— Что с ним? — отрезал я, чувствуя, как на лбу выступает холодный пот.

— Ему перерезали горло. И перед этим… боже, Дрейк, из него выбили всё. Ему переломали пальцы. На его теле оставили метку — сожженную сигаретой «V».

Артур.

Это был почерк службы безопасности Артура.

— Они забрали флешки? — прошипел я, чувствуя, как земля начинает уходить из-под ног.

— Нет, накопители были в сейфе, они чисты. Но, Вейн прознал. Он что-то вынюхал, Дрейк. Он знает, что среди его людей крот, и начинает зачистку. Если они выйдут на тебя… или на девчонку…

— Спрячься, — перебил я парня ледяным тоном. — Уничтожь все средства связи, возьми наличку из тайника и вали

из города прямо сейчас. Понял?

— Понял…

Я отключил вызов и сжал телефон в кулаке так, что корпус жалобно хрустнул.

Один из моих лучших людей мертв. Артур начал открытую охоту. Он понял, что вокруг него сжимается кольцо, и теперь будет выжигать всё на своем пути. Ему потребовалось пару дней, чтобы вычислить утечку. А это значило, что следующей мишенью станет Слоун — стоит ему заподозрить, что она хоть на шаг приблизилась к архивам.

Я медленно поднял глаза.

Слоун стояла у стены, бледная, испуганная. Она видела, как изменилось мое лицо. Она уловила каждую ноту той опасности, что только что ворвалась в наш диалог.

— Дрейк… что случилось? Кто звонил? — прошептала она, делая осторожный шаг ко мне. — Что с твоим лицом?

Я посмотрел на нее. На ее тонкую шею, на дрожащие губы, которые секунду назад были в миллиметре от моих.

Вся страсть, весь порыв исчезли, сменившись животным страхом за её жизнь. Если Артур узнает о нас, если он поймет, что между нами вспыхнул огонь — он не просто отправит ее в клинику. Он убьет ее, как убил Колина. Как убил ее мать.

Маска тирана мгновенно натянулась обратно на мое лицо.

— Не твое дело, — бросил я ледяным тоном, заталкивая телефон в карман.

— Дрейк! — она попыталась схватить меня за рукав. — Я видела твое лицо! Тебе кто-то угрожает? Это из-за меня?!

— Я сказал: не твое дело, Слоун! — я резко встряхнул рукой, сбрасывая её пальцы. Мой взгляд был пуст и беспощаден. — Ты хотела знать, кто я? Я скажу тебе. Я человек, который решает проблемы. И главная моя проблема сейчас — сделать так, чтобы ты не сунула свой нос в чужую разборку и не отправилась на тот свет раньше времени.

— Ты лжешь… — прошептала она, но в ее голосе снова прорезалась та самая боль и разочарование. — Ты опять надеваешь эту маску…

— Пошла в свою комнату, — отчеканил я, указывая пальцем в глубину коридора. — Пошла. В свою. Спальню. Если я увижу тебя в коридоре еще хоть раз за эту ночь — я запру дверь снаружи. Я ясно выразился?

Слоун посмотрела на меня долгим взглядом. В нем больше не было ярости — только пепел от сгоревшей надежды.

— Я ненавижу тебя, Дрейк, — тихо, без единой эмоции произнесла она. — Слышишь? Ненавижу.

Она развернулась и пошла по коридору, чеканя шаги. Я остался один в полутемном коридоре. Я прислонился затылком к холодной стене, закрыл глаза и тихо зарычал от разрывающей грудь боли.Колин мертв. Артур наступает на пятки. А женщина, за которую я был готов сжечь этот город дотла, только что окончательно прокляла мое имя.

Глава 12. Слоун

Жизнь превратилась в шизофреничный театр абсурда, где декорации менялись по щелчку часов, а сценарий писался кровью. Днем мы играли свои роли с отточенным цинизмом профессиональных актеров. В кампусе Сент-Клера Дрейк был для меня невыносимым, властным сводным братом, который появлялся из ниоткуда, стоило кому-то из парней посмотреть на меня дольше трех секунд. Он метал молнии взглядом, отгонял всех подряд и всем своим видом показывал, что я для него — раздражающая обуза. Я же отвечала ему демонстративным презрением, закатывала глаза, сбегала с лекций и огрызалась на любые замечания. Все вокруг — включая доверчивую Эвелин и занятого Артура — верили в эту идеальную картинку семейной неприязни.

Но стоило солнцу закатиться за горизонт, а особняку погрузиться в тишину ночи, как воздух в коридорах натягивался до звона высоковольтных проводов.

Мы сталкивались в полутемных проходах, когда каждый из нас шел по своим делам. Не было сказано ни слова о той ночи в горах, ни о его бессонном дежурстве у моей постели, ни о ультиматуме. Но достаточно было одного мимолетного взгляда призрачного янтаря его глаз в темноте, чтобы по коже побежали колючие мурашки. Напряжение между нами стало осязаемым — густым, удушающим, электриче-

ским. Каждое пересечение наших траекторий грозило взорвать этот хрупкий мир к чертям.

Его игра в запугивание меня больше не останавливала. Ультиматум Дрейка возымел обратный эффект: вместо того чтобы забиться в угол и дрожать, я озлобилась окончательно. Если он думал, что сможет загнать меня в стойло угрозами психиатрической клиники, он глубоко заблуждался. Я должна была узнать правду о маме. Помощь пришла оттуда, откуда я совсем не ждала.

Мия оказалась не просто болтливой девчонкой с острым языком. В прошлую пятницу, оставшись у меня под предлогом совместной подготовки к семинару по экономическому праву, она заметила, как меня трясет.

— Ты пытаешься вскрыть броню человека, который держит за горло половину строительного рынка штата с помощью тупых лобовых атак? — хмыкнула тогда Мия. — Детка, так замки не ломают. Мой старший брат — хакер в технологическом стартапе Силиконовой долины. Меня учили хорошим манерам и обходу двухфакторной аутентификации с пеленок.

С этого момента началась наша тайная война. Днем Мия притворялась обычной студенткой, а ночью мы сидели в моей комнате, забаррикадировав дверь, и с помощью миниатюрного беспроводного сканера, подключенного к моему ноутбуку (который Мия раздобыла неведомыми путями), пытались прощупать защитный периметр домашней сети Ар-

тура.

Сегодня был вторник. На часах перевалило за два часа ночи. В доме стояла абсолютная мертвая тишина — Артур улетел в командировку, Эвелин спала на третьем этаже, а Дрейк, судя по глухому звуку мотора его «Порше», вернувшегося около часа назад, только что поднялся к себе.

— Держи пальцы крестиком, Слоун, — шепотом произнесла Мия, склонившись над экраном моего ноутбука. Ее лицо освещал лишь мертвенно-бледный свет монитора. — Еще один обходной скрипт... и мы внутри заархивированного облачного хранилища личного сервера Вейна.

Строчки кода бежали по экрану с бешеной скоростью. Мое сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели. Я сидела на полу у кровати, прислушиваясь к каждому шороху за дверью. Если нас поймают сейчас — оправдаться не получится ни у меня, ни у Мии.

— Есть! — тихо выдохнула Мия, и в ее глазах отразился триумф. — Обошли брандмауэр. Добро пожаловать в тайную жизнь твоего папаши, дорогая. Смотри вон ту папку с двойным шифрованием:

«Элен Вейн_Личное».

Я пересела ближе к экрану, оттолкнув Мию за плечо, и дрожащим кликом мышки открыла заветную директорию.Сначала шли сотни сканированных документов: старые счета за лечение, медицинские справки, копии нотариально заверенных доверенностей. Но по мере того, как мы углуб-

лялись в структуру папок, на свет стали всплывать файлы, которые Артур явно планировал уничтожить, но почему-то оставил на самом глубоком, заброшенном уровне сервера — возможно, как страховку или инструмент шантажа.

Первой попалась папка с видеозаписями с домашних камер наблюдения четырехлетней давности. Я кликнула на случайный файл и тут же прикусила губу до крови, зажав ладонью рот, чтобы не закричать. На экране беззвучно разворачивался кошмар.

Камера в малой гостиной фиксировала поздний вечер. Артур Вейн — безупречный, в расстегнутой на одну пуговицу сорочке — стоял напротив моей мамы. Элен выглядела испуганной, прижатой к стене у книжного шкафа. На кадрах было безмолвно, но по искаженному от ярости лицу отца и отчаянному движению мамы, пытающейся защитить голову руками, было понятно всё. Внезапный удар открытой ладонью такой силы, что мама рухнула на ковер, сбив торшер. Артур наклонился над ней, сжав пальцы на ее горле, и шептал что-то с застывшей на лице маской спокойствия, пока она беззвучно плакала, хватая ртом воздух. Домашнее насилие. Годы систематического, методичного террора за закрытыми дверями роскошного особняка. Всё то, о чем мама молчала, улыбаясь мне по утрам за чашкой кофе, прикрывая синяки тональным кремом и шарфами.

— Господи… — прошептала Мия, бледная как полотенце, уставившись на экран. — Слоун, твой отец — психопат.

Как ты вообще выжила в этом доме?

Я не ответила. Меня колотила крупная дрожь. Внутри всё заледенело, превратившись в острую, злую пустоту. Воспоминания моего собственного бреда слились с этой жуткой реальностью на мониторе.

— Смотри дальше… тут еще что-то, — дрожащим голосом произнесла Мия, листая файлы.

Мы открыли подпапку с фото блокнота, дневник которые мама вела. Это мамин подчерк. Я начала читать вслух, едва разбирая строки сквозь пелену слез:

«14 марта. Я больше не могу так жить. Он запер меня в доме. Забрал телефон, контролирует каждый шаг. Стоит мне заикнуться о разводе, он напоминает, с кем останется Слоун и что он сделает с ней, если я попытаюсь сбежать. Он болен. Он считает меня своей собственностью, вещью в своей коллекции…»

«22 июня. Сегодня произошло чудо. Я встретила его. Человека, который напомнил мне, что такое дышать. Его зовут… [имени не было, но были инициалы: «М.В.»]. Он понимает, через что я прохожу. Он сам давно воюет с Артуром в деловой сфере и знает, какой монстр скрывается за фасадом филантропа. Мы тайком встречаемся. Он обещает вытащить меня и Слоун из этого ада. Он разрабатывает план побега…»

«5 сентября. Артур что-то подозревает. Он стал смотреть на меня по-другому — в его глазах появилось

предвкушение расправы. Если он узнает о моих чувствах к… [имя снова стерто], он убьет нас обоих. Но я больше не боюсь. Мы планируем уехать сразу после того, как Слоун поступит в колледж. Мы начнем все сначала. Только бы он успел… только бы Артур не догадался…»

Я замерла. Воздух в комнате закончился. У мамы был тайный мужчина. Тот самый человек, который пытался спасти ее от тирании отца. Тот, кто разделил с ней надежду на побег и, судя по всему, разделил с ней ту страшную участь.

Внезапно в памяти всплыли слова, брошенные мне отцом в день моего возвращения, и недавние мысли Дрейка о крушении самолета. Отец говорил о маме с таким холодным презрением: «Она вечно витала в облаках и искала независимости там, где нужна была прагматичность».

Артур знал о ее романе. Артур вычислил того мужчину. И когда мама попыталась уйти навсегда, прихватив с собой компромат и свободу, его месть настигла ее в небе над ущельем.

— Слоун… — испуганно шепнула Мия, дернув меня за рукав. —Если этот сервер мониторится службой безопасности... если твой отец или кто-то из его людей заметил взлом...

В этот момент в тишине ночного коридора раздался резкий, металлический звук.

Щелк.

Кто-то медленно повернул ручку соседней двери и сделал шаг по паркету прямо за нашей тонкой фанерной перегород-

кой.Я резко захлопнула крышку ноутбука, чуть не прищемив пальцы Мии. Мы переглянулись в полной темноте, затаив дыхание, прислушиваясь к каждому шороху за дверью.

Игра перестала быть опасной. Она стала смертельной.

Глава 13. Дрейк

Воздух в заброшенном портовом ангаре пах машинным маслом, сыростью и ржавчиной. Надвигалась ночь, и тяжелые тени портовых кранов тянулись по бетону, как щупальца гигантского спрута. Я сидел на капоте черного «Гелендвагена», медленно прокручивая в пальцах металлическую зажигалку. Напротив, в свете фар стояли трое. Во главе них — Адриан Торн, человек, чье имя предпочитали не произносить вслух на официальных советах директоров «Вейн Индастриз».

Торн был старым партнером Артура, цепным псом, которого спустили с цепи, когда корпорации требовалось испачкать руки в крови.

— Артур теряет хватку, Дрейк, — хрипло произнес Торн, сплевывая на бетонный пол желтоватую слюну. Он сделал шаг вперед, поигрывая тяжелым ножом в руке. — Вчера на таможне тормознули три контейнера. Наши люди завязаны, а твой драгоценный отчим сидит в своем кабинете и строит из себя невинную овечку. Мы вложили в эти схемы слишком много денег, чтобы теперь смотреть, как всё летит к чертям.

Я не шелохнулся. Я даже не поднял на него глаза, продолжая щелкать крышкой зажигалки. Металлический лязг эхом разносился по пустому ангару.

— Артур разберется с таможней к концу недели, — мой

голос прозвучал холодно и безжизненно. — Контейнеры уйдут по обходному каналу через северный узел. Ваши интересы не пострадают.

— А нас не волнует северный узел, щенок! — рявкнул один из подручных Адриана, делая угрожающий шаг в мою сторону.

— Мы хотим гарантий! И если старик Вейн думает, что сможет отсидеться за спиной своей новой семейки, он глубоко ошибается. Мы можем начать проверку с его дома. С его близких. Например, с той новенькой девчонки, что крутится около тебя...

В ту же секунду крышка зажигалки со звоном захлопнулась. Я соскользнул с капота так быстро, что воздух свистнул, а гравий под подошвами хрустнул, сам ангар вздрогнул от моей ярости. Прежде чем бандит успел моргнуть, мир сузился до одной точки: его испуганных глаз, запаха дешёвого одеколона и металла капота. Я перехватил его за воротник, рванул на себя и с глухим стуком впечатал лицом в капот. Металл заскрипел. Я придавил его горло локтем, чувствуя, как под пальцами натягиваются сухожилия, а двое других мгновенно выхватили стволы, наставив их на меня.

— Только попробуй докончить фразу, Торн, — процедил я сквозь зубы, глядя на главного бандитского босса безумным взглядом, в котором не осталось ничего человеческого. — Если хоть одна тварь из ваших крысиных нор сунется к этому дому или попытается задеть Слоун... я лично вырежу

всю вашу гребаную цепочку поставок отсюда до побережья. Контейнеры уйдут завтра. А вы будете сидеть тихо, пока я не разрешу вам дышать. Усек?

Торн молчал несколько секунд, оценивая степень моего безумия. Он видел во мне не просто пасынка Артура — он видел отморозка, которому уже нечего терять.

— Убери руку с его шеи, Дрейк, — хрипло бросил Адриан, кивая своим людям опустить стволы. — Завтра в полночь жду груз на причале. Смотри не подведи. Если старик играет против нас, ты полетишь в пропасть первым.

Они развернулись и ушли, растворившись в темноте ангара.Я отпустил бандита, тот судорожно схватился за горло и поспешил к их машине. Когда рев мотора стих за воротами, я медленно сполз спиной по металлу капота на холодный бетон и закрыл глаза, тяжело дыша. Я взял весь удар на себя. Я мотался по порту, встречался с отморозками, отвлекал криминальный мир от особняка Вейна, чтобы ни одна тень не упала на Слоун. Но это была лишь вершина айсберга. Настоящий ужас прятался не на причалах. Он был в самом доме.

Я запустил пальцы в карман куртки и достал флешку, за которую отдал полсотни тысяч наличными старому архивисту из окружной прокуратуры. Всю прошлую неделю, параллельно с войной в порту, мои люди копали глубоко в прошлом. Мы подняли закрытые дела двадцатилетней давности, судебные запросы, архивные сводки криминалистов и личные дела сотрудников безопасности Вейна. То, что откры-

лось в конце этой цепочки, перевернуло мой мир наизнанку и превратило все мои прежние страхи в чистый яд.

Я открыл ноутбук прямо на капоте машины. Тусклый свет экрана выхватил из темноты строчки документа, который я изучил уже наизусть.

Дело 408-Б. Официальная причина смерти: несчастный случай (отравление угарным газом в заброшенном гараже).Имя погибшего: Марк Велмонт (мой отец).

Пальцы дрогнули. Нам сказали, что это был несчастный случай на старом складе. Но правда оказалась куда страшнее.Документы доказывали: мой отец и Элен — мать Слоун — были любовниками. Они встретились за несколько лет до того, как Артур полностью узурпировал строительный рынок города. Мать Слоун задыхалась в браке с тираном, который методично ломал ее психику и избивал за любой косой взгляд. Мой отец, независимый инженер-архитектор, случайно столкнувшийся с ней на одном из закрытых благотворительных вечеров, попытался помочь ей вырваться. Их связь была тайной, отчаянной и чистой. Они строили план побега — хотели забрать маленькую Слоун и исчезнуть на другом конце страны, оставив Артура ни с чем.

Но Артур Вейн узнал об этом.

Вейн не прощает предательства. Сначала он нанес удар по моему отцу. Документы криминалистической экспертизы, которые мне удалось выкупить из частных архивов патологоанатомов (с пометкой «уничтожить после ознакомле-

ния»), свидетельствовали: в крови Марка Велмонта был найден нейротоксин замедленного действия. Моего отца убили. Его смерть обставили как нелепый несчастный случай, чтобы никто не стал копать дальше.

А потом Артур продолжил свою игру. Он затянул петлю на шее Элен, превратив ее жизнь в беспросветный ад, держа ее рядом с собой в качестве живого трофея и заложницы, пока три года назад она не попыталась сбежать во второй раз вместе со Слоун. И тогда последовал финальный аккорд — тот злосчастный самолет, чей двигатель был заблокирован по приказу Вейна.

Артур убил моего отца. Артур убил мать Слоун.

Я сидел в пустом ангаре, глядя на светящийся экран ноутбука, пока холодный морской ветер трепал волосы на моей голове. Внутри меня рухнули последние остатки какой-либо сентиментальности. Не было больше правил. Не было больше семьи. Была только одна жуткая реальность: я жил под одной крышей с монстром, который уничтожил человека, давшего мне жизнь, и который прямо сейчас методично готовился уничтожить единственную девушку, которую я любил всем сердцем. Слоун искала правду о гибели матери, даже не подозревая, в какую пасть тигра она сует голову. Если бы Артур узнал, что она подобралась к архивам ближе, чем следовало, он бы сломал ее шею, не моргнув глазом — так же, как сделал это с ее матерью.

Я захлопнул крышку ноутбука, бросил его на сиденье и

резко завел мотор «Гелендвагена». Мне нужно было возвращаться в особняк. Мне нужно было защитить ее от этого урода, даже если для этого придется убить Артура собственными руками.

Глава 14. Слоун

Часы сменялись днями, дни — неделями, недели — месяцами. Прошло уже несколько месяцев с того момента, как мы с Дрейком перестали нормально общаться. Чтобы утопить его бдительность и не привлекать лишнего внимания к нашим поискам, я превратилась в «серую мышь», пока мы с Мией продолжали копать тайные архивы. Я нашла уже достаточно компромата на Артура, но что делать со всем этим грузом — понятия не имела.

— Что думаешь в итоге? — спросила Мия, когда мы обедали в шумном университетском кафетерии, окруженные студенческой суетой.

— Не знаю. Голова забита еще и этой проклятой сессией.

— Ну да. Слушай, я предлагаю к мне на ночевку. На самом деле, мне страшно оставлять тебя в том доме одну. Особенно после всего, что мы раскопали.

За это время Мия оставалась у меня ночевать стабильно несколько раз в неделю, а я у нее — на выходных. Так мне было проще не поддаваться ежеминутному искушению сорваться, прийти к Дрейку и вывалить на него всё, что я узнала. Я всё еще пыталась выяснить, кто скрывался за таинственными инициалами «М.В.» в маминых дневниках, но ответы каждый раз тонули в водовороте собственных догадок.

Мне безумно хотелось пойти к нему, влететь в его комнату и сказать: «Я знаю, что ты не такой. Я знаю, что ты можешь помочь». Но меня сковывал панический страх. А вдруг он действительно выполнит свою угрозу и попытается изолировать меня, упечет в какую-нибудь закрытую клинику, лишь бы я не совала свой нос в смертельно опасные дела?

Эвелин в последнее время старалась проводить со мной как можно больше времени, пытаясь вытащить меня из пучины горя. Она искренне верила, что мое подавленное, изодранное состояние связано исключительно с гибелью мамы, а вовсе не с ее сыном. Зато я с нарастающим ужасом стала замечать перемены в поведении Артура. В последнее время он начал всё жестче относиться к жене, все чаще обрывая ее на полуслове, повышая голос и откровенно затыкая ей рот за семейным ужином. А я не могла ничего сделать, даже подойти и предупредить Дрейка о домашнем тиране, потому что смертельно боялась: узнав об этом, Дрейк потеряет контроль и натворит непоправимых глупостей.

— Супер, я за ночевку, — вздохнула я, ковыряя вилкой салат. — Только давай завтра? Сегодня я хочу побыть дома, с Эвелин. За нее я тоже переживаю.

— Да, хорошо, договорились. До сих пор вспоминаю тот ужас и меня трясет, — поддержала подруга, оглядевшись по сторонам.

Вернувшись домой после лекций, я направилась прямо в душ — я проводила там любую свободную минуту, пытаясь

смыть с себя липкое ощущение страха и грязи от всего того, что уже успела узнать о темной стороне своего отца. Выйдя из ванной, я натянула мягкий объемный свитер и старые спортивные штаны: мило, удобно и совсем не жалко. Затем бесшумно направилась к выходу.

Я спустилась в гараж по дальней служебной лестнице — в последнее время это стало моей привычкой, — чтобы залезть в старую «Ауди» мамы. Мне казалось, что там до сих пор физически ощущался ее запах. Я включала её любимую музыку на тихой громкости, поворачивала ключ зажигания, чтобы оживить приборную панель, и представляла, что она чувствовала каждый раз, уезжая из этого проклятого особняка. Посещала ли ее хоть раз мысль бросить всё и сбежать в одиночку? Мне казалось, если бы она сбежала тогда без меня, я бы ни капли на нее не обиделась. Лишь бы она осталась жива.

Из тяжелых раздумий меня вырвал резкий, скрипучий звук подъезжающего автомобиля. Я мгновенно сползла ниже на сиденье, затаив дыхание и стараясь не выдать своего присутствия. Во двор на бешеной скорости влетела машина. Из нее буквально вывалился Дрейк. Он приехал на «Гелендвагене» — в последнее время он сменил автомобиль, но я с ним больше не ездила, ведь по утрам меня забирала Мия.

Дрейк тяжело кренился на левый бок, прижимая к нему руку, и был мертвенно-бледным. Его тело крупно дрожало мелкой, лихорадочной дрожью, пока он шел к дальней стой-

ке с инструментами и выдвижными ящиками. Добравшись до нее, он дрожащими пальцами вытащил большую аптечку и судорожно принялся стягивать с себя черную футболку. Когда ткань обнажила его заляпанное кровью левое плечо и мощный торс, я испуганно визгнула от неожиданности, тут же привлекая к себе его внимание. Лицо Дрейка мгновенно исказила маска звериной ярости.

Господи... что с ним произошло?!

Не раздумывая больше, забыв про собственную безопасность и маскировку, я выскользнула из машины и быстро приблизилась к нему.

— Помощь нужна? — тихо спросила я, боясь даже вздохнуть в его сторону.

— Нет. Пошла вон.

Судя по бледности, синюшным губам и страшной заторможенности, он потерял критически много крови — он едва ворочал языком. От этого сюрреализма у меня нервно задёргался уголок рта, и я поспешно прикусила губу, чтобы не сорваться в истерический смешок. Смех в такой момент звучал бы как предательство самой себя. Да, вот такая я ужасная девчонка, но это происходило не потому, что было смешно, а потому, что внутри закипала паника, грозящая разорвать меня изнутри. Я наотрез проигнорировала его приказ — сама от себя не ожидала такой твёрдости. Шаг получился резким, почти вызывающим, я бросала ему вызов даже в этом: я здесь, и я не уйду. Решительно выхватив из его слабеющих

пальцев окровавленную вату, я вытащила из раскрытой аптечки бутыль с дезинфицирующим раствором.

— Садись вон на тот стул. Сейчас будем обрабатывать.

— Я сказал: пошла вон, Слоун.

— Закрой блять свой рот и сядь!

Мы оба опешили от моего крика. Дрейк удивленно моргнул и неожиданно подчинился — сутулясь, молча опустился на металлический стул. Я подошла вплотную, аккуратно помогла ему окончательно избавиться от липкой ткани и принялась бережно, дрожащими пальцами стирать багряные потеки с его кожи. Вдруг мое движение замерло. Прямо у края рваной, рваной раны в левом боку тускло блеснуло что-то металлическое.

Пуля.

Я с ужасом, полным немого шока, подняла глаза на Дрейка. Он лишь прерывисто выдохнул и молча кивнул, кивком указав на лежащие в лотке инструменты. Я сглотнула подступивший к горлу едкий ком, дрожащими пальцами взяла из лотка хирургические щипцы и выдохнула, стараясь придать голосу твердость:

— Командуй.

— Аккуратно раздвинь края раны... и постарайся не вогнать ее глубже.

Я сделала всё точно по его инструкции. К моему собственному удивлению, в критический момент руки перестали дрожать, хотя от вида глубокого, рваного мяса к горлу подсту-

пала желчь. В этот самый момент я отчетливо вспомнила, почему в свое время наотрез отказалась от мысли поступать на медицинский факультет. Нащупав щипцами застрявший предмет, я твердой рукой аккуратно извлекла деформированную пулю — она оказалась совсем небольшой, но сработавшей на поражение.

— И вот эта маленькая чертовщина причиняет тебе столько боли? — истерично усмехнулась я, со звоном бросая пулю на металлический поднос. — Я даже готова ей поклониться за то, как она отомстила за все мои обиды. Мне даже жаль тебя… ну, если только самую малость. — Ирония обожгла язык, но я не стала её сглаживать. Пусть знает, что я не собираюсь рассыпаться в сочувствии, даже если внутри всё сжимается от страха за него

Он ничего не ответил, лишь молча зажмурился. Я видела, с каким нечеловеческим усилием он сжимает челюсти, чтобы не заорать от боли, пока я очищала ткани.

Я снова нырнула в аптечку, выуживая спиртовой раствор и стерильные марлевые бинты.

— Сейчас опять будет больно. Держись.

Он коротко кивнул. Я щедро залила открытую рану едким антисептиком, заставив его со свистом втянуть воздух, и ловко, по всем правилам наложила плотную тугую повязку. Выпрямившись во весь рост, я уперла руки в боки, тяжело дыша, и прямо посмотрела в его потемневшие глаза.

— Спасибо, — глухо, сквозь зубы вымолвил он.

— Знаешь что? — во мне лавиной вскипела вся накопленная за месяцы боль, обида и страх, подгоняемые адреналином. — Пока ты в таком беспомощном состоянии, я выскажу тебе всё до конца! Потому что убежать быстро или заткнуть мне рот ты сейчас физически не сможешь!

Я на всякий случай отступила на пару шагов назад, чем вызвала у него слабые признаки кривой усмешки.

— Я любила тебя до безумия, до дрожи в коленях, Дрейк! — слезы обиды застилали глаза пеленой, но я упрямо моргала, не давая им скатиться. — Я знала каждую твою черточку, каждый шрам, каждый вздох! Я любила тебя всего — злого, доброго, холодного, равнодушного! Я любила тебя! Но ты, сука, взял мое сердце и просто растоптал его тогда в грязь! Я до сих пор не понимаю, как ты мог... Как ты мог сказать мне те слова в тот момент, когда всего за час до этого мы занимались любовью, и ты клялся мне, что я — единственное светлое и хорошее, что есть в твоей проклятой жизни?! А потом просто высадил у дома и заявил, что я была лишь удобным развлечением на пару ночей! Ты мразь. Ты человек, который сломал во мне что-то важное навсегда. Из-за тебя я потом не могла поверить ни единому парню, не могла подпустить к себе никого. А потом ты снова появляешься в моей жизни, травишь меня, не давая нормально дышать, запирая в золотой клетке и отгоняя всех вокруг! Так если я тебе не нужна?! Если я тебе абсолютно безразлична — какого черта ты вечно меня контролируешь и лезешь в мою жизнь?!

Я даже не заметила, как по щекам потоком побежали горячие, горькие слезы.

— Всё совсем не так, как ты думаешь! — попытался резко возразить он, дернувшись от боли.

— Так расскажи мне правду! Ты же держишь меня в вечном неведении и на расстоянии вытянутой руки! Ты думаешь, я верю в эту твою наигранную, ледяную отчужденность? Нет, ни хрена! Я точно знаю, что тот поцелуй в горах был искренним!

Дрейк зажмурился, сжав кулаки до побеления костяшек, и сделал глубокий, надрывный вдох:

— Ты права... Три года назад... — хрипло выдохнул он, глядя на меня взглядом, в котором обнажилась вся его агония. — Три года назад к моему дому пришла твоя мать. Она плакала, Слоун. Она умоляла... и просила не ломать тебе жизнь. Сказала, что хочет уберечь тебя от Артура и от всего того криминального дерьма, связанного с ним, в которое он нас затягивал.

Я замерла, впитывая каждое его слово, пока в груди нарастало оглушающее предчувствие правды.

— Ты права, я любил тебя. Любил настолько безумно, что когда ты внезапно исчезла, я просто сошел с ума, — продолжал Дрейк, с огромным трудом удерживая дыхание и сдерживая дрожь в голосе. — Но ты не знаешь главного. Твоя мать перед самым отъездом и со слезами на глазах умоляла оставить её дочь и оттолкнуть тебя, сделать всё возможное,

чтобы ты поверила в моё предательство и уехала навсегда. Она хотела спасти тебя от жестокой мести Артура, когда тот неизбежно узнал бы о ее тайных планах на побег. Именно поэтому я тогда сознательно наговорил тебе кучу жестоких гадостей и унизил. Я хотел, чтобы ты возненавидела меня до глубины души и сбежала подальше из этого ада, где тебя могли уничтожить вместе с нами.

Я стояла оглушенная, словно меня ударили током, ловя каждое его слово, и чувствовала, как воздух вокруг меня становится слишком густым, чтобы им дышать. Все это время я слепо верила словам матери о том, что он предал нас. А правда оказалась куда сложнее, трагичнее и страшнее.

— Я пытался связаться с тобой, звонил сотни раз, но твой номер был заблокирован или недоступен, — продолжал Дрейк, с болью глядя на меня. — Когда узнал, в каком городе вы живете, стал отправлять письма. Но твоя мать снова перехватила их, позвонила мне в истерике и умоляла больше никогда этого не делать, не разрушать то немногое спокойствие, что ей удалось для тебя создать. И тогда я понял: ее собственный кошмарный страх перед Артуром был настолько велик, что она была готова пожертвовать моим и твоим счастьем, лишь бы ты выжила...

— Но это не так... — сорвался надрывный крик с моих губ, а к горлу подступил удушающий ком. — Мама...

— Возможно.

Горячие слезы потоком застилали глаза пеленой. Испугав-

шись, что сейчас сорвусь окончательно, побегу к нему, упаду на колени и брошусь в его объятия, я резко развернулась и бросилась к выходу из гаража. Я слышала, как он отчаянно зовет меня вдогонку, но останавливаться было нельзя — моя собственная боль казалась слишком глубокой и всепоглощающей, а злиться на покойную маму я не имела никакого морального права, потому что слишком отчетливо понимала ее животный страх.

Забежав в дом и взлетев по лестнице в свою комнату, я захлопнула дверь на замок, обессиленно опустилась спиной по гладкому дереву на пол и зашлась в беззвучных, разрывающих грудь рыданиях.

Я ненавижу. Ненавижу Артура всей своей душой, каждой клеточкой тела. И я сделаю абсолютно всё, чтобы этот монстр закончил точно так же, как моя мама — на дне пропасти, лишенный всего. Но больше всего на свете мне было безумно жаль Эвелин. Бедная, ничего не подозревающая женщина даже не догадывалась, что живет в одной клетке с хладнокровным, кровожадным зверем. И это был лишь вопрос времени, когда этот зверь выпустит свои клыки наружу...

Глава 15. Дрейк

«Ненависть — это удобный щит. За ним легко прятаться, пока тебе восемнадцать и ты думаешь, что мир делится на черное и белое. Но когда ты узнаешь, какую цену платили другие, чтобы этот щит удержать, он превращается в раскаленный металл. Всю прошлую неделю я наблюдал, как рушится её последняя броня. И вместе с ней рушился мой собственный разум».

Всю неделю Слоун приходила ко мне в спальню каждый вечер, чтобы сделать перевязку.Она приходила в одно и то же время — ровно в одиннадцать ночи, когда слуги уже расходились по своим комнатам, а Артур уединялся в кабинете за очередными «деловыми» звонками. Она входила бесшумно, точно тень в своем длинном домашнем кардигане.

И она со мной не говорила.

За все эти семь дней она не вымолвила почти ни единого слова, кроме коротких, отрывистых инструкций: «повернись», «подними руку», «задержи дыхание». Единственная длинная фраза, которую она произнесла во второй вечер, заставила меня нахмуриться:

— Я буду забирать испачканные салфетки и бинты с собой. Если у меня в мусорной корзине или в прачечной увидят салфетку с кровью, это не вызовет ни у кого лишних вопросов.

Сегодня же, срезая старый пластырь и обрабатывая аккуратный, подсохший розовый рубчик, она суховато бросила:

— Рана затянулась. В моей помощи ты больше не нуждаешься.

После этого она собрала испачканный материал в полиэтиленовый пакет, убрала аптечку и так же молча направилась к двери.

В остальное время она вела себя точно так же: молча приходила, молча выполняла работу медсестры и так же молча уходила, оставляя после себя лишь шлейф аромата горького миндаля и свежего душа, который доводил меня до безумия.

Я несколько раз пытался разыграть перед ней спектакль. Морщился от «невыносимой» боли, когда она касалась края раны, титровал стоны, делал вид, что мне плохо и кружится голова. Я надеялся выбить из нее хоть капельку эмоции, хоть один испуганный или заботливый взгляд. Но Слоун была непреклонна. Она лишь приподнимала одну бровь и безжалостно прижимала марлю к коже чуть сильнее, заставляя меня шипеть уже по-настоящему.

Матери я сказал, что повредил ребро и мышцу на тренировке в зале. Эвелин охала, приносила мне мази, но глубоко копать не стала, и дополнительных вопросов больше не возникало.

И вот сейчас, сидя за длинным столом за завтраком, Слоун снова не роняла ни единого слова.Она сидела напротив меня, вглядываясь в экран своего телефона и медленно раз-

мешивая ложечкой кофе. На ней была строгая белая блузка с длинными рукавами и темные брюки — идеальный образ для сдачи последнего университетского зачета.

Артура дома не было. Он опять уехал спозаранку на какую-то экстренную встречу в муниципальном департаменте, так что воздух в столовой казался чуть менее ядовитым, чем обычно. Эвелин налила себе кофе из серебряного кофейника и ласково посмотрела на Слоун.

— Слоун, как дела с сессией? — спросила мама, аккуратно намазывая джем на тост.

Моя мать в последние недели стала относиться к ней гораздо нежнее, чем ко мне. Меня это даже забавляло — то, как искренне и наивно Эвелин пыталась отгородить «бедную, убитую горем девочку» от моих постоянных язвительных нападок. Мама понятия не имела, что эта «бедная девочка» еще три дня назад своими руками вытащила из моего бока пулю и даже не поморщилась.

— Всё хорошо, Эвелин, — Слоун подняла глаза от телефона и подарила моей матери мягкую, тёплую улыбку. Пространство вокруг нее посветлело. — Сегодня последний зачет по международному праву и небольшой отпуск.

— Ну да. Если сдашь, — я ехидно парировал ее ответ, откидываясь на спинку стула и крутя в пальцах вилку.

Слоун медленно перевела взгляд на меня. В глубине ее темных глаз мгновенно вспыхнули привычные искры.

— Сдам, — злобно, сквозь зубы ответила она.

— Слушай, Слоун... Может, скажешь своей рыжей подружке, чтобы она к нам уже окончательно переехала? — не отставал я, прищурившись. — А то Мия у нас торчит чаще, чем прислуга.

— Дрейк, хватит, — перебила меня мягко мама, бросив на меня предостерегающий взгляд.

— Что «хватит», мам? Их постоянные ночевки... Может, мы чего-то не знаем об их отношениях? Вдруг там скрытый роман?

Слоун аккуратно поставила чашку с чаем на блюдечко.

— Дрейк, помнишь, что я сказала тебе, когда предупреждала больше меня не доставать? — прищурилась она, отпивая глоток своего кофе.

— Нет. Напомнишь? — я с безупречным артистизмом скопировал ее выражение лица, чуть наклонив голову набок.

И тут мне в лицо прилетел кофе.

Эта маленькая дрянь, не моргнув и глазом, плеснула в меня содержимым своей чашки.Темный напиток веером обжег мне щеки, воротник белой рубашки и грудь. Спасибо блин огромное, что он уже успел остыть до комнатной температуры.

— Ты совсем поехала, Вейн?! — зло прорычал я, вскакивая со стула и вытирая лицо салфеткой. Кровь мгновенно ударила в виски от такой дерзости.

— Меня просто достали тупорылые шутки от напыщенного индюка Велмонта, — чеканя каждое слово, произнесла

Слоун.

В этот момент за окном раздался короткий автомобильный сигнал. Мы оба одновременно обернулись к панорамному окну столовой и увидели яркий хэтчбек Мии, паркующийся на подъездной дорожке.

Слоун отбежала от меня, как ошпаренная, и стремительно побежала к выходу из столовой, бросив на прощание что-то успокаивающее Эвелин:

— Я буду поздно, Эвелин, спасибо за завтрак!

Как только тяжелые входные двери с шумом захлопнулись за её спиной, ко мне медленно повернулась мама. На ее лице застыло предельно серьезное, даже строгой выражение.

— Дрейк, хватит, — произнесла она тихим, но не терпящим возражений тоном. — этой маленькой девочке и так досталось. Перестань ее изводить.

Она подошла ко мне ближе, взяла чистую салфетку, чуть смочила ее водой из графина и мягко положила ладонь мне на сухую щеку, стирая оставшееся пятно от кофе.

— Я же знаю, что у тебя доброе сердце, — тихо добавила она, глядя мне прямо в глаза с материнской грустью. — Не нацепляй эту дрянную маску хотя бы дома.

— Мама, я как раз и делаю всё так, чтобы она не утопала в иллюзиях и дерьме этого дома, — ответил я хрипло, убирая её руку. — А мои шутки — это просто повод разрядить общую обстановку.

— Ну как, разрядил? — мама скептически окинула меня

выразительным взглядом, указывая на расплывающиеся бурые пятна на моей рубашке.

Я только усмехнулся, ничего не ответив, развернулся и направился в свою спальню — переодеваться.

Весь оставшийся день я провел в разъездах, решая мелкие и грязные поручения Артура. Пришлось мотаться по промзонам и закрытым клубам, выбивая долги с мелких пидарасов, решивших, будто они могут кинуть Вейна на деньги и остаться в живых. Напряжение внутри меня нарастало с каждым часом. Каждая выбитая расписка, каждый перепуганный взгляд должника напоминали мне о том, в каком дерьме я увяз по уши. И о том, от какого ада я пытался защитить Слоун.

Вернувшись домой ближе к полуночи, я обнаружил, что особняк погрузился в сон. Мать уже спала у себя в крыле. Я поднимался по лестнице, на ходу расстегивая пуговицы рубашки. Когда я повернул в коридор, мой взгляд мгновенно зацепился за щель под дверью Слоун. Из ее спальни пробивался теплый свет ночника, а сквозь тонкое дерево доносились еле слышные, ритмичные звуки инди-музыки. Она не спала.

Я замер в полуметре от ее дверей, сунув руки в карманы брюк. И в эту самую секунду я увидел, как ручка на её двери медленно поворачивается. Дверь отворилась. Слоун выскользнула в коридор. На ней была свободная домашняя футболка, едва доходившая до середины бедер, и распущен-

ные, еще влажные после душа волосы.

Она прошла мимо меня — на расстоянии каких-то тридцати сантиметров, даже не подняв глаз, будто я был бестелесным призраком, — и направилась вниз по лестнице в сторону кухни.

Я молча пошел за ней.

На кухне горела лишь мягкая подсветка над кухонным островом. Слоун прошла к огромному двоевидному холодильнику, распахнула дверцу и стала что-то выискивать на полках.

— Что тебе нужно, Дрейк? — не оборачиваясь, спросила она, когда полезла на среднюю полку за баночкой черничного йогурта.

«Ты», — пронеслось у меня в голове, что на секунду показалось, будто я выкрикнул это вслух. Но я просто молча смотрел на нее, прислонившись плечом к дверному косяку. Я делал ровно то же самое, что и она всю прошлую неделю — хранил абсолютное молчание.

Слоун медленно повернулась ко мне и посмотрела прямо в мои глаза. Металлическая крышечка йогурта с тихим треском поддалась под ее пальцами. Она открыла йогурт, взяла маленькую ложечку и начала его есть, не сводя с меня своего темного, вызывающего взгляда.

Боже мой. Это было самое сексуальное зрелище из всех, что я видел за всю свою проклятую жизнь.

То, как ее губы смыкались вокруг ложки, как дрожала

жилка на ее открытой, нежной шее, как майка едва прикрывала ключицы... Вся моя выдержка рассыпалась в труху.

— Ты специально его так кушаешь? — спросил я низким, хриплым голосом, не отрывая от нее прожигающего взгляда.

— Как? — она слегка вскинула одну бровь, удерживая ложку у самого рта.

— Вот так.

Я начал медленно подходить к ней. Шаг за шагом, как хищник, сокращающий расстояние до жертвы. Мои глаза потемнели. На удивление, она не сделала ни единой попытки от меня спастись, не отшатнулась, не побежала. Она просто стояла, вжимаясь поясницей в кухонный стол, и часто, рвано дышала.

— Слоун... — выдохнул я, оказавшись вплотную.

— Дрейк... — шепнула она в ответ.

Это было последнее слово, которое она успела сказать.

В следующую секунду я перехватил баночку из ее рук, отбросив ее куда-то на стол, подхватил Слоун под бедра, поджимая и поднимая ее прямо на полированную каменную столешницу, и жадно впился в ее губы.

Игра в «сводных брата и сестру» рухнула с оглушительным треском.

Я целовал ее так, как не целовал еще никогда в жизни. С дикой, голодной, трехлетней жаждой. Я упивался ее вкусом, ловил губами каждый сладостный, надломленный стон, который срывался с ее рта. Мои губы скользнули ниже — к

яремной венке на шее, к хрупким ключицам, оставляя горячие метки.

Одной рукой я жестко и одновременно бережно придерживал ее за талию, пока она инстинктивно обвивала мою талию своими гладкими ногами, а руки закидывала мне за шею, сжимая пальцами мои волосы.

Не выдержав разрывающей грудь страсти, я подхватил ее на руки, сдергивая со стола, и понес вверх по лестнице на второй этаж. Войдя в ее комнату, я аккуратно опустил ее на широкую кровать. На секунду я замер над ней, тяжело дыша и долго смотрел в её темные, распахнутые глаза, в которых не осталось ни капли прежней ненависти — только чистое, обнаженное пламя. А затем я снова прильнул к ее губам.

Я целовал её так, будто от этого зависела моя собственная жизнь. Каждое прикосновение губ, каждое движение языка отзывалось в ней прерывистым, судорожным вздохом, который тут же растворялся во мне. Её пальцы крепче вплелись в мои волосы, слегка оттягивая пряди назад, и этот лёгкий, бессознательный жест контроля с её стороны окончательно сорвал во мне все существующие предохранители.

Не разрывая исступленного поцелуя, я нащупал край её легкой футболки. Ткань казалась лишней, чужой, ненужной преградой. Мои ладони скользнули под неё вверх, ощущая обжигающее тепло гладкой кожи, тонкие линии рёбер и учащённый, сумасшедший стук сердца под ними.Слоун слегка приподнялась на локтях, помогая мне избавиться от лишней

одежды, и через секунду между нами не осталось абсолютно ничего, кроме обнажённой, выжженной годами жажды.

Я опустился над ней, любуясь каждой деталью: потемневшими от желания глазами, приоткрытыми влажными губами, вздымающейся грудью.

— Ты сводишь меня с ума, — хрипло выдохнул я, спускаясь поцелуями от её подбородка к шее.

Она выгнулась навстречу, когда я коснулся губами чувствительной точки под челюстью, а затем прихватил зубами тонкую кожу на ключице. Слоун всхлипнула, запрокидывая голову назад на подушки, и сжала мои плечи до белизны в суставах.

Моя рука скользнула вниз, очерчивая изгиб талии, линию бедра, и мягко легла между её ног. Она была обжигающе горячей и влажной. При первом же прикосновении моих пальцев Слоун прерывисто застонала, приоткрыв бёдра шире и инстинктивно подавшись навстречу моим ласкам. Я двигался медленно, дразняще, наблюдая за тем, как наслаждение меняет черты её лица, как её дыхание сбивается в короткие, отчаянные вздохи.

— Дрейк… пожалуйста… — её голос дрожал от напряжения, в нём звучала мольба.

— Смотри на меня, — потребовал я глухо, поднимаясь выше и раздвигая её колени.

Она распахнула глаза, глядя на меня затуманенным, бездонным взглядом. В нём не было ни капли страха — только

абсолютное доверие и такое же дикое, всепоглощающее желание.

Я медленно подался вперёд, входя в неё одним плавным, уверенным движением. Ощущение её тесноты и жара выбило воздух из моих лёгких. Я замер на секунду, стиснув зубы и борясь с накатившей волной, которая грозила снести меня в первый же миг. Слоун шумно выдохнула, её ногти впились в мои лопатки, а бёдра сами потянулись вверх, требуя большего.

— Ты моя, — прорычал я ей на ухо, начиная двигаться.

— Твоя… — отозвалась она прерывисто, вторя моим толчкам.

С каждым движением ритм становился глубже, увереннее и яростнее. Кровать тихо скрипела, воздух в комнате стал густым и горячим от нашего дыхания. Я входил в неё до конца, чувствуя, как она оплетает мои бёдра ногами, прижимая меня к себе так близко, словно хотела раствориться во мне без остатка.

Её стоны становились громче, откровеннее, срываясь на сдавленные вскрики при каждом глубоком толчке. Я накрыл её ладонь своей, переплетая наши пальцы, и свободной рукой коснулся её центра, усиливая давление в такт движениям.

Это стало последней каплей.

Тело Слоун напряглось и натянулось. Её глаза распахнулись в немом восторге, и в следующее мгновение её накрыла

сокрушительная волна оргазма. Мышцы вокруг меня пульсирующе сжались, вытягивая из неё протяжный стон.

Этот спазм окончательно лишил меня рассудка. Сделав ещё несколько быстрых, глубоких толчков, я глухо зарычал, уткнувшись лицом в изгиб её шеи, и отдал ей всё, изливаясь глубоко внутри неё, пока моё тело сотрясала дикая дрожь финала.

Мы ещё долго лежали неподвижно, не размыкая объятий. Я чувствовал, как бешено бьётся её сердце у моей груди, как медленно выравнивается дыхание.

Я приподнялся на локте, убрал влажную прядь с её разгорячённого лица и нежно коснулся губами её лба, прижимая её к себе ближе и накрывая нас обоих одеялом.

Глава 16. Слоун

Я проснулась оттого, что лежала на чем-то невероятно твердом и горячем. В комнате стоял полумрак, за плотными шторами угадывалось раннее зимнее утро, а воздух пахло морозной свежестью из приоткрытой форточки и дорогим мужским парфюмом.

Открыв глаза и тяжело поморгав, я уперлась щекой прямо в обнаженную грудь Дрейка. Мое тело мгновенно пронзило яркое воспоминание о прошедшей ночи. О том, как рухнули все стены, как сгорели последние сомнения и как мы отдали друг другу всё, что копили в себе. Не раздумывая, я инстинктивно прижалась к нему еще ближе, утыкаясь носом в теплую кожу и упиваясь этим моментом запретного безумия, которое мы наконец разрешили себе позволить.

Но долго этот хрупкий покой не продлился. В дверь тихо постучали.

— Слоун, милая, я могу войти? — раздался мягкий голос Эвелин из коридора.

Меня словно окатили ледяной водой. Я резко подпрыгнула на кровати, распахивая глаза от ужаса, и принялась спихивать с постели сонного Дрейка. Он попытался что-то пробормотать с усмешкой, притягивая меня обратно за талию, но я тут же накрыла его рот ладонью и прошипела задыхаясь от паники:

— Твоя мама за дверью, идиот! Под кровать, живо!

Дрейк ошеломленно взглянул на меня, мгновенно считывая масштаб катастрофы по моему перекошенному лицу. В его глазах мелькнула искра озорства, но он подчинился и скатился на пол, а я в панике швырнула ему вслед край сбившегося одеяла. На ходу накинув шелковый халат и завязывая пояс дрожащими пальцами, я бросилась к выходу. Но перед самой дверью сердце рухнуло в пятки — у прикроватного коврика валялась его черная футболка. Я грациозно подцепила ее ногой, забросила вглубь гардеробной и только после этого, глубоко вдохнув, резко распахнула дверь.

— Я могу войти? — спросила Эвелин, смущенно улыбаясь и держа в руках поднос.

— Эм... Да, конечно, — я отступила в сторону, чувствуя, как в груди бешено стучит пульс, грозя проломить ребра.

— Я хотела поговорить с тобой, — она нервно сглотнула, присаживаясь на край моей кровати. На ней был элегантный домашний кардиган, но в глазах читалась какая-то странная тревога. — Поговорить насчет Дрейка.

Я замерла, молясь про себя, чтобы Дрейк под кроватью не вздумал ничего выкинуть.

— С ним... с ним что-то случилось? — спросила я, изо всех сил пытаясь изобразить наивное неведение.

— Нет... Наверное, нет. Я просто думала про вчерашний завтрак, — она виновато опустила взгляд. — Он не хотел тебя обидеть, Слоун. У него просто такое... специфическое

чувство юмора. Он пытается разрядить обстановку, сам совершенно не понимая, что иногда ранит людей своими шуточками.

— Эвелин... — попыталась перебить её я, чувствуя, как горят щеки.

Но она мягко подняла ладонь, продолжая с материнской теплотой в голосе:

— Он очень добрый мальчик, честно. Кому, как не мне, знать его настоящего? И он к тебе на самом деле очень хорошо относится. Я вовсе не злюсь за тот кофе — по правде говоря, получилось даже забавно. Но мне страшно. Страшно от того, что вы вечно пикируетесь. Ты воспринимаешь его заботу как какой-то тюремный надзор. Но поверь, он искренне беспокоится о тебе.

Я смотрела на нее и чувствовала себя последней лицемеркой в мире. Женщина, которая искренне любила своего сына и пыталась примирить нас, даже не подозревала, что этой же ночью ее сын находился в моей постели.

— Эвелин... Вчера вечером мы поговорили, — соврала я, ощущая, как лицо заливает предательский румянец от воспоминаний о том, как именно *мы поговорили*. — И я действительно благодарна ему. Просто я такой человек... я не умею сразу подпускать людей близко. Мне нужно время.

— Я так рада это слышать, — она тепло обняла меня за плечи и поспешила к выходу, оставляя меня наедине с бурей эмоций.

Едва за ней закрылась дверь, я повернулась к кровати и прошипела:

— Вылезай, конспиратор хренов.

Из-под свисающего края покрывала высунулась растрепанная макушка Дрейка. Он медленно поднялся во весь рост, потягиваясь и демонстрируя шикарный рельеф торса.

— Хороший мальчик как раз досыпал, — невозмутимо заявил он, шагая ко мне. — Просто ночь была тяжелой. Выспаться толком не дали... некоторые особы.

Он был абсолютно голым и даже не подумал прикрыться, из-за чего я смущенно отвернулась, чувствуя, как щеки снова полыхают. Дрейк подошел сзади, его сильные руки обвили мою талию, а губы коснулись чувствительной кожи за ухом.

— Ты что, стесняешься? — хмыкнул он низким, бархатным голосом. — По-моему, ночью мы видели абсолютно всё, что можно... и даже то, чего нельзя, Слоун.

— Дрейк, прекрати, одевайся и вали к себе, — выдохнула я, хотя внутри всё сладко трепетало от его близости. — Нам скоро на занятия.

Он коротко чмокнул меня в затылок и неохотно поплелся натягивать джинсы. Я же уткнулась в мобильный телефон, демонстративно делая вид, что проверяю почту, хотя перед глазами все еще стояли кадры этой безумной ночи. Ночь — это другое измерение. Там рушатся все маски, там исчезают обиды и стираются границы. Но видеть его вот так ранним утром — наглого, обнаженного, уверенного в себе хозяина

положения — к этому я пока привыкнуть не успела.

Одевшись, он еще раз коротко, но собственнически коснулся моих губ поцелуем и бесшумно выскользнул из комнаты.

Я пошла в душ, на этот раз не стояла долго под горячими струями. Мне не хотелось смывать с кожи его запах, его прикосновения, это ощущение защищенности, которое было мне так необходимо.

Когда я спустилась к завтраку, за большим обеденным столом уже собралась вся семья: Эвелин, Артур и мой Дрейк. Да, именно так — теперь в моих мыслях он четко и безоговорочно носил это определение «Мой».

— Всем привет, — бодро поздоровалась я, опускаясь на стул прямо напротив него.

— Сегодня без кофе? — приподнял бровь Дрейк с едва уловимой, наглой ухмылкой.

— Посмотрим на твое поведение, — бросила я вызов, поворачиваясь к Эвелин и озаряя сияющей улыбкой.

Артур оторвался от утренней газеты и посмотрел на меня поверх очков:

— Слоун... как твои успехи с сессией?

— Оу, я всё закрыла. Сегодня осталась лишь пара формальностей — побегать по кафедрам, поставить зачеты в табель.

— Я горжусь тобой, — сухо ответил он.

Меня на мгновение передернуло от этой фальшивой по-

хвалы. Зная, каким чудовищем он был и что он сотворил с моей мамой, слышать от него слова одобрения было физически противно.

— А как ты собираешься праздновать день рождения? — неожиданно, громко спросил Дрейк, отчего я едва не поперхнулась соком.Господи. Я ведь совершенно забыла о собственном дне рождения! На фоне всех этих расследований и страстей, дата в календаре стерлась начисто.

— Наверное, никак, — растерянно пожала плечами я, чуть поникнув.

— Что ты хочешь на день рождения, Слоун? — тут же включился Артур, словно пытаясь купить индульгенцию за все годы равнодушия.

Я замялась, лихорадочно соображая, и в этот момент в стекло панорамного окна стукнул яркий солнечный блик, а за оградой раздался знакомый рев мотора. К дому подъехал огненно-рыжий «Мини Купер» Мии.

— Точно! Знаю! — выпалила я, глядя прямо на Артура. — Я хочу «Мини Купер» розового цвета!

Артур замер, медленно опуская чашку с кофе. Он уставился на меня во все глаза, явно не ожидав столь материального и капризного запроса.

— Что? — переспросил он недоверчиво.

— Что слышал, — парировала я, смело выдерживая его взгляд.

— Я устала, что меня вечно кто-то подвозит. Устала зави-

сеть от чужих расписаний и чужих машин. Можно мне хотя бы в этом получить капельку независимости?

Артур помолчал пару секунд, оценивая мой тон, а затем коротко кивнул:

— Хорошо. Оформляй доставку.

— И раз уж на то пошло, — подал голос Дрейк, отпивая сок, — я хочу свозить Слоун и Мию на неделю в наш зимний домик у озера. Провести там нормальные каникулы.

Мы с Артуром одновременно уставились на него. Я — с квадратными глазами, потому что мы об этом вообще не договаривались, а Артур — с холодным анализом во взгляде. Впрочем, глава семьи быстро вернул себе непроницаемую маску бизнесмена:

— Хорошо. Но на улице зима, дом за городом требует подготовки.

— Тем интереснее, — ухмыльнулся Дрейк.

— Договорились, — отрезал Артур.

Допив кофе и чмокнув растерянную, но счастливую Эвелин в щеку, я выбежала из особняка, чувствуя за спиной прожигающий взгляд янтарных глаз.

Сев в машину к Мие, я захлопнула дверь и выпалила:

— Поехали быстрее!

— Ты чего такая взбудораженная с самого утра? — покосилась на меня подруга. — В тебе будто литры эспрессо плещутся. Давай выкладывай.

— Потом, Мия, всё потом! — отмахнулась я.

Она хитро улыбнулась и запустив руку в бардачок, вытащила потертый блокнот в кожаном переплете.

— Держи. Отец передал.

Я судорожно схватила дневник, прижимая его к груди, словно живое свидетельство.

— Я расспросила его про Артура, — серьезно заговорила Мия. — Отец ничего конкретного не сказал — боится за семью, ты же понимаешь. Но когда я намекнула, что гибель твоей мамы — не случайность, он задумался и принес вот это. Сказал, что завтра этот дневник должен лежать на месте в архиве, чтобы никто из людей Вейна не хватился пропажи. Еще он рассказал, что около трех лет назад твоя мама сбежала. Об этом шептались в определенных кругах, но чтобы не выглядеть дураком перед партнерами, Артур заявил в полицию, что вас якобы похитили. Конфисковали ваши личные вещи при обыске, и этот дневник — один из них. Папа говорит, там целая серия записей, но он может выносить их только по одной за раз, рискуя головой. Слоун... мой отец серьезно подставляется ради нас.

— Я знаю, Мия, — тихо ответила я, сглатывая ком в горле. — Клянусь, я никогда не подставлю твою семью. Обещаю.

Только я успела спрятать драгоценную находку вглубь своей сумки, как задняя дверь машины резко распахнулась, и в салон ввалился Дрейк.

Мы с Мией от неожиданности синхронно шарахнулись в стороны и со всего маху... столкнулись лбами.

— Ауч! — взвыла Мия, потирая лоб.

— Какого хрена ты творишь?! — выпалила я, возмущенно глядя на незваного пассажира.

Дрейк устроился на заднем сиденье с невозмутимым выражением лица, будто так и надо.

— Все мои машины в ремонте. Довезете до кампуса? — небрежно бросил он.

Мия бросила на меня вопросительный взгляд, полная готовности высадить его, но я лишь устало кивнула: ладно уж, вези.

Мия никогда в жизни не отличалась спокойным стилем вождения, но сегодня она явно решила побить рекорды Формулы-1. Влетев на университетскую парковку на безумной скорости, она едва не снесла зеркало припаркованного рядом «Кадиллака». Я краем глаза заметила, как у Дрейка на скулах мгновенно заиграли желваки от такого экстрима. Резко затормозив посреди стоянки, Мия обнаружила, что на забитой до отказа площадке свободно ровным счетом... одно-единственное место. И это было любимое парковочное место Дрейка прямо у главного входа.

Не раздумывая ни секунды, Мия с победной ухмылкой свернула туда и резко вдарила по тормозам.

— Эй, полегче, вообще-то это моя территория, — подал голос Дрейк с заднего сиденья.

— Раз уж сегодня я твой личный водитель, имею полное право парковаться где пожелаю! — парировала Мия, граци-

озно заглушая мотор.

День в университете пролетел как в тумане. Нам оставалось лишь добежать до пары вредных преподавателей, чтобы проставить последние подписи в ведомости, а всё остальное время мы провели в дальнем углу кафетерия, с головой погрузившись в изучение маминого дневника.

— Слушай, я сколько у тебя тусуюсь, но за всё время ни разу не видела твоего брата, — задумчиво произнесла я, перелистывая пожелтевшие страницы.

— А он был в отъезде, мотался по симпозиумам своего стартапа, — отмахнулась Мия, помешивая остывший кофе. — Сегодня утром, кстати, вернулся.

— Ясно...

Я продолжила вчитываться в текст, выискивая те самые заветные инициалы «М.В.», которые не давали мне покоя. Но страницы пестрели бытовыми описаниями страха, тирании Артура и мольбами о защите. Неожиданно Мия выхватила у меня блокнот из рук:

— Подожди-ка... Смотри сюда.

Она поднесла тетрадь ближе к яркому свету и начала аккуратно отклеивать две страницы, которые плотно слиплись между собой. Создавалось впечатление, что их кто-то намеренно запечатал лаком или клеем, чтобы скрыть главное.

— Вот, смотри! — шепотом выпалила Мия.

Я перегнулась через стол, вглядываясь в открывшийся текст. На развороте аккуратным почерком мамы было выве-

дено:

«Марк Велмонт... Он единственный, кто понимает, через что я прохожу. Он обещал вытащить нас... М.В...»

Фамилия Велмонт. Точно такая же фамилия, как у Дрейка.У меня внутри все оборвалось.

— Это его отец... — шокировано озвучила мои догадки Мия, округлив глаза.

Она резким движением захлопнула дневник, сунула его в глубину своей сумки и застегнула молнию, заметив движение за моей спиной. Я обернулась. К нашему столику размашистой походкой шел Дрейк, а за ним следовали двое незнакомых парней. Один из них — рыжий, в стильных очках. Второй — смуглый, атлетически сложенный блондин с пронзительными, яркими зелеными глазами и дерзкой ухмылкой на губах. Вся эта компания выглядела так, будто только что сошла с обложки журнала.

Они бесцеремонно уселись за наш столик, мгновенно привлекая к себе восторженные взгляды половины кафетерия. Я уставилась на Дрейка в полном недоумении, беззвучно формируя губами вопрос: какого черта вы все здесь забыли?

— Знакомьтесь, — лениво бросил Дрейк, кивая на блондина. — Это Кол. А это... — он перевел взгляд на рыжего парня, — Майк.

В ту же секунду Мия замерла с чашкой кофе в руке, медленно поворачиваясь к рыжему. Она прожигала его таким взглядом, что воздух вокруг них буквально искрился стати-

ческим электричеством, в то время как блондин по имени Кол откинулся на спинку стула и с явным интересом уставился на Мию.

— Стоп... Мия? — растерянно перевела я взгляд на подругу.

— Это мой брат, — сквозь зубы процедила она, указывая пальцем на Майка.

— Но ты же говорила, что у тебя старший брат! — изумленно моргнула я.

— Ну да. На целых три чертовых минуты старше! — огрызнулась Мия, скрестив руки на груди.

Господи. Они двойняшки.

— Короче, я тут подумал, — прервал семейные разборки Дрейк, обхватив ладонью мое плечо и притягивая меня чуть ближе к себе. — Я, Кол, Майк, ты и это рыжее стихийное бедствие грузимся в тачку и едем тусить в загородный дом.

Майк вопросительно изорвал бровь, глядя на Дрейка:

— Не в обиду, Майк, но твоя драгоценная сестрица сегодня едва не прикончила меня на парковке, так что у меня есть все законные основания называть её стихийным бедствием, — хмыкнул Дрейк.

Майк откинулся на спинку стула и заразительно расхохотался. Возражать больше никто не стал.

Дорога в зимний домик превратилась в настоящий, безумный праздник жизни, освобождавший нас от накопившегося напряжения.

Мы ехали на семиместном «Мерседесе» класса люкс. Парни оккупировали передние ряды: Дрейк уверенно вел машину сквозь заснеженные серпантины, Кол всю дорогу пререкался с Майком насчет навигации и выбора треков, а мы с Мией... мы сразу же оккупировали самый конец салона. Устроившись на просторном диване, мы утянули с собой пару бутылок отборного красного сухого вина, предусмотрительно прихваченного из домашнего погреба Вейнов.

Пока за окнами проносились укутанные в снежные шапки еловые леса, а фары выхватывали столбы метели, у нас кипела своя, независимая от парней вселенная. Мы передавали по кругу бутылку, отпивали из горлышка, хохотали над каждой шуткой и подпевали старым песням из колонок телефона, перекрикивая басы.

На редких остановках у заправок напряжение между Мией и Колом накалялось до предела.

— Чудовище, ты опять оккупировала всю центральную колонку своим ужасным, депрессивным плейлистом? — поддевал ее Кол, лениво прислонившись к капоту.

— Заткнись, Кол, или я как-нибудь случайно «забуду» нажать на тормоз на крутом повороте! — яростно шипела Мия, угрожающе поджимая губы, но в глубине ее темных глаз плясали самые настоящие, задорные чертики.

— Ой, брось, твой музыкальный вкус сформировался под влиянием рыдания раненых китов, — хмыкал он, отталкиваясь от машины и обходя ее, чтобы занять свое пассажир-

ское место. — Признайся уже, что тебе жизненно необходим кто-то, кто будет разбавлять этот кошмар нормальными ритмами.

— Мне жизненно необходим кто-то, кто наконец закроет тебе рот, пока я не высадила тебя прямо посреди трассы! — парировала она.

К позднему вечеру мы наконец добрались до места. Загородный дом на самом деле оказался роскошным двухэтажным шале из массивного темного бруса, спрятанным среди густых сугробов на берегу замерзшего озера. Внутри пахло сухой хвоей, натуральным деревом и живым теплом камина. Пока парни с шумом и спорами таскали сумки и разжигали огонь в огромном каменном очаге, мы с Мией ускользнули в панорамный зимний сад. Стеклянные стены открывали завораживающий вид на спящий под луной лес, а мягкие инфракрасные обогреватели наполняли пространство уютным теплом.

Мия опустилась на плетеный диван, сделала большой глоток вина и внимательно посмотрела на меня:

— Так, Слоун. Выкладывай всё. Вы с Дрейком... вы же буквально светитесь, когда находитесь в радиусе пяти метров друг от друга. Что между вами происходит?

Я вздохнула, понимая, что от Мии бесполезно что-либо скрывать — тем более, после выпитого вина. И я рассказала ей всё. Я рассказала про нашу любовь трехлетней давности, про то, как моя мама со слезами на глазах умоляла Дрейка

оттолкнуть меня, чтобы спасти от гнева Артура. Я рассказала про те жестокие слова, которые он бросил мне в лицо три года назад лишь для того, чтобы заставить меня поверить в предательство и сбежать подальше от этого кошмара. И про то время недавней грозы в горах, а затем и про прошлую ночь, что в моей спальне мы наконец сожгли все преграды.

Мия слушала меня, широко распахнув глаза, а когда я закончила, шумно выдохнула облачко воздуха:

— Охренеть... Слоун, это же готовый сюжет для голливудской драмы. Но... я безумно за тебя рада. Серьезно. Он ведь ради тебя готов порвать любого голыми руками.

— А у вас-то с Колом что? — перевела я стрелки, заметив, как подруга украдкой бросила взгляд на дверь, за которой ходил блондин. — Я же вижу, как вы искрите друг с другом.

Мия пренебрежительно фыркнула, но щеки ее заметно порозовели:

— С Колом? Ничего серьезного, дорогая. Мы пару раз пересекались на студенческих тусовках... Ну, спим иногда по настроению, когда обоим скучно. Чистый спортивный интерес, знаешь ли. Никаких розовых соплей и обязательств.

Я лишь скептически покачала головой, отлично понимая, что за этим «спортивным интересом» скрывается нечто гораздо более глубокое, просто признаться в этом гордая Мия была пока не готова.

На следующий день к нам в шале присоединилась девушка Майка — яркая, веселая и абсолютно безбашенная блон-

динка по имени Клара, которая тут же внесла свою порцию хаоса в нашу компанию.

И вот тогда начался настоящий отрыв.

Пока парни уехали в ближайший поселок за дополнительной партией мяса и дров для камина, мы втроем решили устроить импровизированный девичник. Мы нашли в кладовой запасы текилы и оставшегося вина, включили колонки на максимальную громкость и устроили дикие танцы, выплескивая наружу все напряжение.

Все казалось нереальным и волшебным, мы пили этот иллюзорный покой большими глотками, смеясь до боли в животе.

Когда хлопнула входная дверь и в прихожую вернулись замерзшие, пахнущие морозом парни, мы были уже, мягко говоря, в состоянии «в дрова».

В глазах все двоилось, веселый смех Мии отдавался звонким эхом в ушах, а мир вокруг приятно покачивался на волнах алкогольного опьянения. Помню только вспышки: как Кол закатывает глаза на очередную выходку Мии, как Майк пытается удержать на ногах смеющуюся Клару, и как в поле моего зрения вырастает высокая фигура Дрейка.

Его лицо выражало смесь раздражения на наш балаган и нежного, ничем не прикрытого умиления.

— Всё, гулена, представление окончено, приплыли, — раздался над самым моим ухом бархатный голос, полный мягкой иронии.

Сильные руки легко подхватили меня под бедра, рывком вырывая из шумной гостиной. Я слабо запрокинула голову, пытаясь рассмотреть его лицо, и попыталась что-то бессвязно пробормотать в знак протеста, но Дрейк лишь усмехнулся. Он аккуратно внес меня по деревянной лестнице на второй этаж, отнес в спальню и бережно опустил на мягкую кровать. Я попыталась затянуть его за собой, ухватив за воротник свитера, но он ловко перехватил мои запястья и мягко уложил их вдоль тела.

Затем Дрейк стянул с моих ног кроссовки, расстегнул молнию на толстовке и аккуратно укутал меня пушистым одеялом до самого подбородка.

Недолго думая, он сам скинул верхнюю одежду, лег рядом, устроившись на краю кровати, и крепко прижал мое пьяное тело к своей груди. Его теплая ладонь легла мне на талию под одеяло, а нос уткнулся в растрепанные на подушке волосы.

— Бестолковая моя... — с нежностью шепнул он в темноту комнаты, целуя меня в макушку. — Спокойной ночи, Слоун.

И в эту секунду, засыпая в его крепких объятиях под тихий вой зимней вьюги за окном, мне искренне казалось, что мы действительно победили весь мир. Что прошлое осталось позади.

Глава 17. Дрейк

Тишина загородного дома нарушалась лишь мерным потрескиванием дров в камине, да ровным дыханием Слоун, которая спала на моей груди, накрепко прижавшись ко мне после вчерашнего вечера. На часах было около четырех утра. В такую пору мир вокруг казался замерзшим, мертвым и невероятно хрупким.

Я аккуратно, стараясь не потревожить ее сон, высвободил руку из-под ее головы, подложил под нее пухлую подушку и поднялся с кровати. Накинув на плечи толстовку, я вышел на балкон, закрывая за собой стеклянную дверь. Морозный воздух мгновенно ударил в легкие, протрезвляя лучше любого кофе. Внизу, за периметром освещенной террасы, расстилался белый лес, укутанный густой пеленой ночного тумана. Но холод снаружи не шел ни в какое сравнение с тем ледяным комом, который уже несколько часов ворочался у меня в груди.

Странное предчувствие опасности, от которого у меня на затылке поднимались волосы. Я достал из кармана телефон и набрал номер своего человека в городе — старого хакера по кличке Скелет, которого я содержал на привязи еще со времен первых самостоятельных сделок в порту.

— Спишь, старик? — бросил я в трубку вместо приветствия, не отрывая взгляд от темной линии горизонта.

— Для тебя, Велмонт, я никогда не сплю, — прохрипел в динамике сонный, прокуренный голос. — Ты чего звонишь посреди ночи? Опять кто-то из людей Торна на хвост сел?

— Нет. Торн пока сидит тихо. Мне нужно другое. Подними доки по переводу Слоун Вейн в университет Сент-Клер. Меня интересует вся внутренняя кухня: кто инициировал процесс, какие бумаги подавались, откуда пришел запрос на зачисление и какая падла курировала этот вопрос в деканате.

В трубке на несколько секунд повисла тишина. Было слышно, как Скелет шуршит клавиатурой, открывая базы данных через свои обходные шлюзы.

— Погоди... ты хочешь сказать, перевод студентки из другого штата шел через закрытый контур? — уточнил хакер, и в его голосе прорезались нотки профессионального интереса. — Обычно такие дела решаются через приемную комиссию. Зачем кому-то марать руки о студенческие переводы?

— Просто проверь, Скелет. И сделай это быстро. Я жду.

Я сбросил вызов, засунув руки в карманы толстовки, и оперся о деревянные перила балкона. Металлические заклепки на перилах леденили пальцы. Внутри меня все противилось простой логике. Почему Слоун вообще оказалась в том особняке? После гибели матери она училась в другом регионе, вела закрытый образ жизни, пытаясь дистанцироваться от Артура. Она ненавидела его. Она избегала этого дома как чумы. Но в один прекрасный день Артур объявил, что забирает ее под свою опеку, переводит в наш универси-

тет.

Нам преподносили это как благородный жест заботы о сироте. Как отчаянную попытку отца сплотить семью после трагедии.

Телефон в руке коротко вибрировал, вырывая меня из раздумий. На экране высветилось сообщение от Скелета: «Пакет у тебя на почте. Открывай через ноутбук. Там такие интересные пироги, Дрейк, что тебе лучше присесть перед просмотром».

Я вернулся в комнату, бесшумно схватил сумку с ноутбуком и вернулся обратно на балкон. Сел в кресло на застекленной части веранды и ввел пароль. На экране побежали строки зашифрованных документов.

Я кликнул на файл с грифом внутреннего аудита деканата Сент-Клера за тот самый месяц, когда Слоун перевелась в наш город.Мои глаза скользили по строчкам, выхватывая официальные бланки, подписи, штампы... И с каждой секундой воздух в груди застывал.

Запрос на перевод Слоун поступил вовсе не по её инициативе. И не по решению независимой комиссии. Оригинальное заявление было подано от имени юридического департамента «Вейн Индастриз». Лично Артуром Вейном. Более того, в приложении к делу шла справка о психологическом состоянии девушки, выписанная психиатром, который выписал для неё тяжелые нейролептики. В справке значилось, что Слоун «склонна к депрессивным эпизодам, суицидаль-

ным наклонностям и галлюцинациям на фоне потери матери», что требовало «постоянного контроля со стороны опекуна и изоляции от деструктивных элементов».

Изоляции.

Артур не просто забрал ее к себе. Он заманил ее в золотую клетку по заранее просчитанному сценарию. Он своими руками организовал ее возвращение в особняк, чтобы держать под круглосуточным колпаком, контролировать ее шаги и в нужный момент использовать как рычаг давления на всех, кто попытается поднять головы против его империи.

Но и это было еще не все.

Глубже в архивах обнаружился протокол соглашения. Артур объединял два наследственных фонда — остатки активов компании своего отца (Карлос Вейн) и трастовые счета матери Слоун (Элен). По документам выходило, что после достижения Слоун совершеннолетия все объединенные активы переходят под ее управление... но с правом генеральной доверенности на подпись у главного исполнительного директора «Вейн Индастриз».

У Артура Вейна.

Я все эти месяцы играл роль надсмотрщика, который якобы отталкивал ее, не понимая, что своей холодностью и агрессией лишь идеально подыгрываю плану отчима. Мы оба — и я, и Слоун — были пешками в его многолетней партии.

Ноутбук на коленях загудел. Внутри меня что-то оборвалась, сдерживавшая ярость все эти годы.

Несколько месяцев назад я думал, что контролирую ситуацию. Я думал, что смогу защитить ее, отвлекая криминальных авторитетов. Я думал, что наша игра в «сводных брата и сестру» — это преграда для внешнего мира.

А на деле мы сидели в эпицентре паутины, которую Артур плел годами. И прямо сейчас, пока мы наслаждались фальшивым покоем, эта паутина начинала сжиматься.

Двери балкона за спиной тихо скрипнули.

Я даже не обернулся, но по изменившемуся потоку воздуха и легкому шороху почувствовал ее приближение. Слоун вышла кутаясь в большой вязаный кардиган. Ее волосы были растрепаны после сна, глаза сонные, а на губах блуждала мягкая, теплая улыбка, от которой у меня в груди болезненно заныло.

Она подошла сзади, осторожно обвила руками мои плечи и прижалась щекой к моей спине, выдыхая теплое облачко пара в морозный утренний воздух.

— Ты почему не в постели? — сонным голосом прошептала она, целуя меня в плечо сквозь ткань толстовки. — Там... холодно без тебя.

Я замер, чувствуя, как ее пальцы легко касаются моей груди. Мне хотелось развернуться, прижать ее к себе так крепко, чтобы кости хрустнули, закрыть собой от всего мира, спрятать от этого чудовища. Но вместо этого я медленно положил свою ладонь поверх ее руки, сглотнув горький ком в горле.

— Слоун... — мой голос прозвучал с хрипотой. — Скажи мне... когда Артур забирал тебя из колледжа... как это было?

Слоун вздрогнула за моей спиной. Улыбка мгновенно исчезла с ее лица, а тело напряглась.

— К-к чему ты это спрашиваешь? — ее голос едва заметно дрогнул. — Это было... кошмарно. Он позвонил. Сказал, что мама погибла, что я осталась одна, и что теперь я обязана жить под его опекой в особняке, потому что таковы требования юридического фонда. У меня не было выбора, Дрейк.

Университет заблокировал мои счета, стипендию аннулировали... Я была загнана в угол.

Загнана в угол.

Именно так Артур всегда вел свои дела. Никаких случайностей. Никаких вариантов к отступлению.

— Выбора не было, говоришь? — горько усмехнулся я, поворачиваясь к ней лицом и беря ее за плечи.

Я заглянул в ее огромные, испуганные глаза, в которых отражался свет экрана ноутбука.

— Дрейк, что происходит? — в ее голосе послышалась паника. — На тебе лица нет. Ты напугал меня...

Я хотел соврать. Хотел оградить ее хотя бы на пару дней от этого ужаса, позволить ей доиграть в эту сказку о загородных каникулах, о праздновании дня рождения. Но я знал: если я промолчу сейчас, мы оба погибнем. Артур не оставит нас в живых, как только поймет, что мы знаем правду.

— Твой перевод в Сент-Клер... и твое возвращение в

особняк, — тихо произнес я. — Это не была случайность, Слоун. И не была его «отеческая забота». Артур спланировал каждую деталь. Он лишил тебя финансирования, подделал медицинские справки о твоей невменяемости, заманил в ловушку и заставил вернуться в этот дом, чтобы контролировать твое наследство. Мы пешки в его гребаной игре. И прямо сейчас... прямо сейчас он знает о нас абсолютно всё.

Слоун побледнела так сильно, что на ее лице остались лишь две темные точки расширенных зрачков. Она отшатнулась от меня, словно от удара, хватая ртом морозный воздух.

— Нет... — прошептала она, отрицательно качая головой. —Эвелин говорила...

— Эвелин ничего не знает, — жестко перебил я, чувствуя, как внутри закипает ярость. — Она для него такая же марионетка, как и все мы. Артур — хладнокровный убийца. И он собирается закончить начатое.

В этот самый момент тишину загородного утра разорвал пронзительный звук.

Где-то внизу, на подъездной дорожке перед главным входом в шале, прозвучал скрежет автомобильных тормозов, а затем раздался металлический стук закрывающихся дверей.

Я мгновенно среагировал. Одной рукой подхватив ноутбук и захлопнув крышку, другой я резко дернул Слоун за запястье, притягивая к себе за защитный выступ стены балкона.

— Тихо, — прошипел я, вглядываясь вниз сквозь заснеженные ветки елей.

На парковке у дома стояли два черных внедорожника без опознавательных знаков. Из машин неторопливо, уверенной походкой выходили четверо крепких парней в темных куртках.

Во главе них шел Адриан Торн.

Торн закинул голову вверх, глядя на окна второго этажа, и издевательски ухмыльнулся, демонстрируя золотую коронку на зубе. Он явно знал, где мы находимся.

Ловушка захлопнулась.

Дверь спальни открылась, и в комнату вихрем влетел Кол, на ходу застегивая джинсы и озираясь по сторонам с сонным, но уже настороженным лицом. За его спиной маячил заспанный Майк с битой в руке, которую он успел где-то раздобыть.

— Велмонт, какого хрена творится внизу? — с порога выпалил Кол, резко понизив голос. — Я насчитал четыре тачки на подъезде. Это не доставка пиццы.

— Это гости, которых мы совсем не ждали, — бросил я, быстро натягивая куртку и проверяя обойму пистолета, который всегда возил с собой.

Слоун сидела на краю кровати, бледная как полотно, сцепив пальцы в замок. Она смотрела на меня большими, полными ужаса глазами, но в них больше не было слез. Было только понимание реальности.

— Они пришли за нами? — тихо спросила она, поднима-

ясь на ноги.

— Они пришли за мной и за документами, которые мы раскопали, — ответил я, подходя к ней и вкладывая в ее холодные дрожащие пальцы небольшой складной нож. — Слушай меня внимательно, Слоун. Сейчас ты берешь Майка, Мию, Клару и Кола через черный ход в котельной. Уходите в лес к трассе. Не оглядываетесь.

— Я никуда без тебя не пойду! — в ее голосе прорезалась упрямая истеричная нотка, от которой у меня сжималось сердце. — Хватит с меня жертв, Дрейк! Хватит прятать меня и отправлять в бега! Мы либо выберемся отсюда вместе, либо...

— Никаких «либо»! — рявкнул я так громко, что в дверях вздрогнул Майк. — Ты будешь жить, черт побери! Ради этого я три года сходил с ума и ломал собственную жизнь!

Прежде чем она успела возразить, дверь на лестницу с грохотом распахнулась, и в коридор вылетела испуганная Мия, на ходу натягивая свитер.

— Эй! Там внизу какие-то мужики ломают дверь в прихожую! — закричала она, задыхаясь от паники. — Кол, твою мать, бери биту!

Я переглянулся с Колом. Мы оба понимали: времени на долгие разговоры не осталось. Артур больше не собирался играть в дипломатию. Ликвидация в загородном домике должна была выглядеть как «трагический несчастный случай во время зимнего отдыха молодежи».

Идеальное преступление.

Я подошел к окну спальни, размахнулся и с треском выбил локтем замерзшее стекла, впуская в комнату ледяной ветер.

— План такой, — скомандовал я, оборачиваясь к ребятам. — Кол, держишь лестничный пролет. Майк, страхуешь его с тыла. Девочки уходят через крышу котельной в лес. Я иду на первый этаж встречать старых друзей.

— Велмонт, ты сдурел один против шестерых? — процедил Кол, перехватывая ружье поудобнее.

— Я не один, — ответил я, досылая патрон в патронник пистолета. — У меня есть долг перед прошлым. И чертовски много злости.

Слоун шагнула ко мне, пытаясь удержать за рукав куртки, но я мягко отстранил ее руку, запечатлев быстрый поцелуй на ее холодных губах.

— Жди меня в лесу, Слоун. Я обещаю — я приду.Развернувшись на каблуках, я шагнул в дымящийся коридор второго этажа, оставляя за спиной хрупкий мир нашей иллюзии покоя. Начиналась война.

Глава 18. Слоун

Шум подрываемой двери на первом этаже шале отозвался в моих костях вибрацией первобытного ужаса.

Хруст ломаемого дерева, звон выбитых стекол и частые щелчки выстрелов внизу смешались с криком Клары, которую Майк пытался затолкнуть в узкий проем черного хода в котельной. В воздухе мгновенно запало порохом, горелым маслом и гарью.

— Пошла, пошла, Клара, не оглядывайся! — орал Майк, сжимая биту.

Я стояла у подножия деревянной лестницы, глядя на Дрейка. Он стоял в полутени коридора, прижавшись плечом к несущей колонне. В его руках был пистолет. На мгновение он обернулся. Его глаза в темноте горели диким пламенем.

— Уходи, Слоун! — прорычал он, и этот рык перекрыл шумы внизу.

— Дрейк, нет! — выкрикнула я, сделав шаг к нему. — Мы не оставим тебя!

— Уходи, блять! — он резко оттолкнул меня ладонью в плечо, направляя в сторону дверного проема, где Мия уже тянула меня за рукав. — Я догоню! Ждите у заброшенной заправки через два километра!

Это были последние слова, которые я услышала от него перед тем, как Мия с силой выдернула меня в морозную тьму

заднего двора. За нами захлопнулась металлическая дверь, и мы побежали. Снег проваливался под ногами, колючие ветки сосен с силой хлестали по лицу, обжигая кожу до слез. Ноги в тонких ботинках мгновенно промокли и заледенели, но страх выжигал любую физическую боль. Сзади, со стороны коттеджа, продолжали греметь выстрелы и крики. Кол бежал первым, пробивая сугробы, Майк тащил рыдающую Клару, а Мия мертвой хваткой сжимала мою руку, не давая упасть каждый раз, когда я спотыкалась о скрытые под снегом коряги.

В голове сумасшедшим калейдоскопом крутились слова Дрейка: «Артур лично спланировал каждую деталь... Он подделал справки... Он лишил тебя финансирования... Мы пешки в его игре».

Мой разум отказывался вмещать этот объем кошмара. Мой отец — человек, который гладил меня по голове в детстве и дарил дорогие подарки — оказался монстром, убившим мою мать. А Дрейк... Дрейк все эти три года нес на своих плечах этот адов крест, играя роль чудовища, чтобы просто сохранить мне жизнь.

Мы бежали около сорока минут, пока не выскочили на заснеженную, полузаброшенную трассу. Там, в тени старой бензоколонки, стоял припрятанный старый пикап. Мы ввалились в холодный салон, тяжело дыша.

— Где он?! — кричала я, глядя на пустую, утопающую в метели дорогу. — Кол, где Дрейк?! Он должен был прийти!

Кол завел мотор, который ответил надрывным чиханием, и не мигая смотрел в зеркало заднего вида. Его лицо, выражавшее наглую уверенность, сейчас казалось серым и каменным.

— Если мы вернемся — нас всех накроют, Слоун, — чужим голосом произнес он. — Дрейк дал нам время. Он знал, что делает.

— Нет! Вези меня обратно! Нажми на газ, тварь! — я бросилась на Кола, пытаясь вырвать руль, но Мия и Майк вдвоем перехватили мои руки, прижимая к заднему сиденью.

— Слоун, тише! Тише, милая, он придет! Велмонт не из тех, кого так просто закопать! — шептал Майк, прижимая мою голову к своей груди.

Но Дрейк не пришел.

Мы прождали на заправке два бесконечных часа. Двигатель пикапа работал на холостых, выхлопной газ растворялся в метели, а в салоне царила мертвая тишина, нарушаемая лишь всхлипами Клары. С каждой минутой надежда внутри меня выгорала, превращаясь в пепел. Когда горизонт стал светлеть, наливаясь холодным свинцом зимнего утра, Кол выключил фары:

— Все. Нам нужно убираться в город. Если люди Торна или Вейна прочесывают сектор, нас найдут.

Я не сопротивлялась. Внутри меня образовалась огромная пустота. Я сидела, уставившись в замерзшее окно и смотрела, как за окном проплывают заснеженные деревья. Дрейк

остался там. В том домике. Один против отморозков Артура.

Возвращение в город напоминало затяжной бред при высокой температуре.

Майк увез Клару к себе, Мия отказалась оставлять меня одну и поехала со мной в особняк Вейнов — как ни странно, именно это место сейчас казалось единственным укрытием, где Артур не стал бы устраивать открытую бойню на глазах у прислуги и Эвелин.

Мы вошли в дом через служебный вход. В особняке стояла тишина. Эвелин еще не спускалась к завтраку, а Артур, судя по отсутствию его автомобиля у крыльца, не было дома.

Я поднялась в свою спальню, чувствуя, как от усталости и стресса подгибаются колени. Каждое движение давалось с трудом, одежда пропиталась запахом дыма и пота, а пальцы продолжали мелкой дрожью сжимать тот самый нож, который Дрейк вложил в мою ладонь перед началом ада.

— Слоун, иди в душ, — мягко проговорила Мия, подталкивая меня к ванной. — Я заварю тебе крепкого чая. Мы дождемся новостей. Если Дрейк ранен или задержан — мы узнаем.

Я кивнула, двигаясь как заведенная кукла. Сбросив промокавшие вещи на пол, я встала под обжигающие струи воды. Горячие капли били по плечам, но я не ощущала тепла. В ушах до сих пор звучал его голос: «Я любил тебя... Любил как безумец... Я приду, Слоун. Я обещаю».

«Пожалуйста, выживи. Пожалуйста, вернись», — тверди-

ла я как молитву, закрыв глаза и уткнувшись лбом в кафельную плитку.

Выйдя из душа через полчаса, я заволокла тело в старый длинный халат и вернулась в спальню. Мии в комнате не было — из коридора доносился ее тихий, взволнованный шепот: она спорила с кем-то по телефону на балконе.

Я подошла к столу, чтобы взять расческу. И тут мой взгляд зацепился за предмет, которого не было здесь раньше. По центру стола лежал конверт из крафтовой бумаги без каких-либо пометок.

Я замёрзла.

Сердце снова возобновило свой сумасшедший ритм. Я медленно приблизилась к столу, сглотнув ком в горле. Пальцы дрожали так сильно, что я едва смогла поддеть плотную бумагу.Я перевернула конверт и высыпала его содержимое на стол.На стол выпали несколько сложенных вдвое листов бумаги, пачка старых фотокопий банковских чеков и распечатки офшорных транзакций.

К верхушке первой страницы была приколота небольшая записка. У меня похолодели кончики пальцев.

Я взяла первый документ. Это была копия юридического соглашения о слиянии активов между строительной фирмой Марка Велмонта и структурами Артура Вейна, датированная годом перед моим рождением.

Я начала читать. И с каждым прочитанным словом воздух выходил из моих легких, словно меня ударили под дых тя-

желым кулаком. Документ утверждал совершенно иное, чем то, о чем твердил Дрейк!

Согласно этим официальным бумагам с нотариальными печатями и подписью самого Марка Велмонта, отец Дрейка никогда не был жертвой Артура. Он являлся первоначальным соучредителем и главным финансовым комбинатором схемы по поглощению имущества семьи моей матери!

На третьем листе подкалывались оригиналы банковских выписок. Счета моей матери методично опустошались за пять лет до ее официального побега. И куда переводились эти миллионы долларов? На трастовый счет, открытый на имя... Марка Велмонта, с правом наследования его сына — Дрейком Велмонтом.

Мой взгляд метался по строчкам, отказываясь верить. Вот чек на двести тысяч долларов. Назначение платежа: «За консультационные услуги по реструктуризации активов Элен Вейн». Подпись получателя: Марк Велмонт.

Вот финансовое соглашение, подписанное уже самим Дрейком. В нем значилось, что Дрейк Велмонт принимает на себя управление личным фондом Артура Вейна и получает ежемесячный процент с доходов от эксплуатации строительных объектов, ранее принадлежавших моей матери!

Но самым страшным был последний документ.

Это была копия сообщений между моей матерью и Артуром за неделю до катастрофы, заверенная частным детективным агентством. Я перечитывала эти строки снова и снова,

пока они не начали расплываться перед глазами от слез:

И тут... в моей голове словно прорвало плотину.

Память — штука отвратительная. Она хранит то, что ты пытаешься похоронить под толщей лет.

Вспышка.

Мне восемнадцать. Наш дом. Мама сидит у окна, ее лицо в синяках, она плачет и судорожно упаковывает вещи в чемодан. Я подбегаю к ней, обнимаю за дрожащие плечи и шепчу:

«Мама, Дрейк сказал, что поможет нам! Он обещал!»

И мама поворачивается ко мне. Её глаза полны ужаса. Она хватает меня за руки и выкрикивает слова, которые я тогда посчитала бредом отчаявшейся женщины:

«Не верь ему, Слоун! Не верь ни единому слову Велмонтов! Дрейк предаст тебя так же, как его отец предал меня! Они работают на Артура! Они заберут у нас все и выбросят как мусор!»

Тогда я не поверила ей. Я думала, что мама сломлена, что у неё паранойя на фоне побоев Артура. Я боготворила Дрейка. Я верила в его любовь, в его защиту.

А теперь... теперь эти бумаги лежали перед моими глазами.Каждая цифра, каждая печать, каждая подпись свидетельствует об одном: признания Дрейка в гараже про «жертву ради моего спасения», про то, что моя мама сама пришла к нему и просила оттолкнуть меня — всё это была изощренная, гениально разыгранная ложь!

Он манипулировал мной.

Он знал, что я ищу правду. Он знал, что я полезла в архивы. И чтобы усыпить мою бдительность, чтобы закрыть мне рот перед тем, когда активы матери должны были перекочевать в его и Артура руки, он разыграл эту карту! Он сыграл на моей старой любви, на моих чувствах, на моем теле!

Он трахнул меня в моей же спальне, клялся в нежности, уносил пьяную на руках... только для того, чтобы я окончательно потеряла бдительность и не мешала им с Артуром довести сделку до конца!

А та сцена с выстрелами в домике? А «героическая» попытка остановить тех людей?

Боже мой, какая наивность! Это был очередной спектакль, постановка, ловушка, чтобы разыграть из себя спасителя и окончательно привязать меня к себе!

— Нет... — вырвался из моего горла хриплый стон.

Я упала на колени перед столом, сжимая бумаги в кулаках так, что плотная бумага рвалась под ногтями. Меня предали. Снова.

Человек, которому я отдала свое сердце, свою душу, свое тело, ради которого я готова была пойти против всего мира — он оказался главным палачом. Он был сыном предателя и сам стал предателем. Он продавал меня Артуру три года назад и продолжал продавать сейчас, раздавая мне фальшивые обещания и ласки.

Внутри меня, что-то окончательно умерло. Тот светлый,

наивный огонек любви к Дрейку, который я берегла сквозь годы разлуки, погас, оставив после себя лишь черную пустыню.

В комнату вошла Мия:

— Слоун! — она осеклась, увидев меня на полу среди разбросанных документов. — Боже, Слоун, что произошло?! Что это за бумаги?!

Она бросилась ко мне, поднимая с пола. Я смотрела на нее абсолютно мертвыми глазами, в которых больше не было ни капли слез.

— Он скармливал мне ложь, Мия, — тихо произнесла я. — Он врал мне с самого первого дня.

Мия подхватила один из чеков, быстро пробежала глазами по строчкам, и ее лицо вытянулось от шока:

— Это... это выписки Артура? Откуда они здесь?! Слоун, подожди, это может быть подделка! Это же мог подбросить твой отец!

— Подделка? — горько усмехнулась я, указывая на печати нотариуса моей матери. — Это личные чеки мамы.

Я поднялась на ноги. Вся дрожь в теле исчезла. На ее место пришел ледяной покой.

В этот момент внизу раздался громкий шум. Хлопнула парадная дверь. Раздались быстрые шаги. Я выбежала в коридор второй этажа, опираясь о перила балкона, и посмотрела вниз.

В холл вошел Дрейк.

Он был жив. На нем была порванная куртка, вся в грязи и подсохших багровых пятнах крови, левое плечо перевязано каким-то грязно-белым жгутом. Он выглядел изможденным, раненым, диким. За ним шел Артур — безупречно одетый, с непроницаемым лицом, и двое охранников.

Дрейк поднял голову вверх.

Его янтарные глаза встретились с моими. На его лице мгновенно вспыхнула облегченная радость. Он сделал шаг к лестнице, задыхаясь и протягивая ко мне руку:

— Слоун... Боже, ты цела... Ты успела уехать...

Я смотрела на него сверху вниз. Не двинувшись ни на миллиметр. На моем лице не отразилось ни единой эмоции.

— Не подходи ко мне, — громко произнесла я.

Дрейк замер на середине лестницы, словно его ударили током. Его рука застыла в воздухе, а ухмылка облегчения медленно сползла с лица, уступая место непониманию и тревоге.

— Слоун... о чем ты? — хрипло выдохнул он.

— Заткнись, — чеканя каждое слово, перебила его я. — Заткни свое лживое горло, Велмонт.

Я разжала пальцы, и пачка документов и чеков веером полетели вниз прямо к его ногам. Бумаги кружились в воздухе, оседая на мраморные ступени.

Дрейк наклонился, подхватив один из листов. По мере того, как он вчитывался в выписки и финансовые чеки, его лицо становилось бледным.

— Что это... за дерьмо? — тихо, с заплетающимся языком выговорил он, поднимая на меня взгляд. — Слоун, ты что... ты веришь этому?! Это подделка!

— Ты хладнокровная тварь, Дрейк — я издала короткий, ядовитый смех. — Ты спал со мной, клялся в любви, а сам все эти годы получал процент с крови моей матери! 14 марта! Назначение платежа — трастовый счет Дрейка Велмонта!

— Слоун, выслушай меня! — орал Дрейк, взлетая по лестнице через две ступени. — Мама твоя... она пришла ко мне сама! Я не брал этих денег! Это комбинация Артура! Он подставил моего отца, а теперь подставляет меня! Посмотри на меня! Посмотри в мои глаза!

Он добежал до верхней площадки и попытался схватить меня за плечи. В ту же секунду я выхватила из кармана халата его же нож, щелкнула лезвием и выставила острие перед ним.

— Тронешь меня — и я всажу его тебе в горло, — отчеканила я.

В моем голосе не было ни капли сомнения. Дрейк замер. Наконечник стали уперся прямо в его грудную клетку — в то самое место, где набивалось его сердце.

Он смотрел на меня. В его янтарных глазах рушился весь мир. Я видела, как в них гаснет свет, как обнажается невыносимая агония.

— Ты действительно... веришь им? — едва слышно прошептал он. — После всего, что было между нами... После

всего, что я сделал... Ты веришь бумажке?

— Я верю своей матери, — холодно ответила я, не опустив нож ни на миллиметр. — Она предупреждала меня. Век Вельмонтов — это век предателей. Ты такой же, как твой отец.

В этот момент на площадку второго этажа медленно поднялся Артур. Он встал за спиной Дрейка, словно кукловод, наблюдающий за финальным актом своей пьесы. На его лице застыла маска сочувствующего понимания.

— Слоун, дочка, убери нож, — мягко произнес Артур. — Ты пережила страшный шок. Дрейк... я думаю, тебе лучше покинуть этот дом. Твои финансовые махинации за спиной корпорации больше не являются тайной.

Дрейк даже не повернулся к Артуру. Он продолжал смотреть только на меня. По его щеке — впервые за все годы, что я его знала — медленно покатилась одинокая слеза, оставляя чистую дорожку на испачканной в грязи и крови щеке.

— Ты сломала меня, Слоун, — совершенно обессиленно выдохнул он. — Ты сломала единственное, что во мне оставалось живого.

Он медленно отступил на шаг назад. Потом еще на один.Не разрывая нашего взгляда, Дрейк развернулся и пошел вниз по лестнице. Его походка была хромающей. Он не смотрел на Артура, не смотрел на охранников. Он просто шел к выходу, оставляя за собой багровые капли крови на белом мраморе.

Тяжелая парадная дверь особняка захлопнулась за его

спиной с глухим стуком.

Я стояла на балконе, продолжая сжимать в руках окропленный нож. Внутри меня не осталось ничего. Ни боли, ни слез, ни любви. Была только замороженная ненависть к человеку, который уничтожил во мне способность верить.

Артур подошел ближе и осторожно положил руку мне на плечо.

— Всё кончено, Слоун. Теперь ты в безопасности.

Я не оттолкнула его руку. Я просто смотрела на пустую лестницу, зная: игра не закончена. Но теперь в этой игре я буду играть по своим правилам. Без любви. Без пощады. Без Дрейка.

Глава 19. Дрейк

Кровь на левом плече уже успела запечься, превратившись в темную корку, которая натягивала кожу при каждом движении. Боль в ране была острой, но она казалась ничем по сравнению с той давящей тяжестью, что засела в моей грудной клетке.

Я вел машину сквозь утренний туман, почти не чувствуя руля. Руки действовали на автопилоте. В голове крутился единственный кадр: Слоун, ее перепуганные глаза и мой крик — «Уходи, блять! Я приду!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.